

Научная статья
УДК 908+622.2+502.04+502.06 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.3.006

СЕРЕБРЯНЫЙ РУДНИК НА ОСТРОВЕ МЕДВЕЖИЙ В ПОРЬЕЙ ГУБЕ БЕЛОГО МОРЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Михаил Николаевич Кожин^{1–3}, Наталия Геннадьевна Панарина²

¹Полярно-альпийский ботанический сад-институт им. Н.А. Аврорина КНЦ РАН, Апатиты, Россия

²Кандалакшский государственный природный заповедник, Кандалакша, Россия

³Институт проблем промышленной экологии Севера КНЦ РАН, Апатиты, Россия

^{1–3}m.kozhin@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0153-0287>

²ngpanarina@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6654-1710>

Аннотация

Медвежий является одним из наиболее крупных островов центральной части Порьей губы Белого моря. В XVIII–XIX вв. здесь велась промышленная разработка серебрянорудных месторождений, в результате чего ландшафты острова претерпели значительные изменения. На основании сопоставления литературных сведений и работы с архивными документами установлен ход исторических событий развития рудника, устранена путаница в хронологии разработки его объектов и в названиях шахт (копей). В ходе полевых исследований уточнено расположение и сроки разработки девяти шахт. Восстановлены исторические названия шахт: «Дай Бог счастья», «Двуглавый орёл», «Стрельникова», «Курт-шахта», «Боярыня», «Надежда», «Новая», «Станелловская копушка». Шахте, разработанной в 1773–1775 гг., мы дали название «Карамышева» — в честь заложившего её известного российского минералога А. М. Карамышева. Приведена характеристика современного состояния всех серебрянорудных шахт в сравнении с литературными данными: морфометрические параметры, состав отвалов (при наличии), ход процессов восстановления растительности. Проведённое обследование шахт показывает их постепенное разрушение. Вместе с тем, отмечено восстановление растительного покрова острова, особенно лесной растительности, и зафиксировано 14 охраняемых видов сосудистых растений. Показано, что в XVIII–XIX вв. остров Медвежий имел огромное значение для России как одно из первых месторождений серебра в стране. В настоящее время это уникальный заповедный природно-антропогенный комплекс, памятник истории русской горной промышленности и яркая историко-культурная достопримечательность Кольского Севера.

Ключевые слова:

история горного дела, серебряный рудник, шахты, флора, растительность, краеведение, остров Медвежий, Кандалакшский заповедник, Мурманская область

Благодарности:

авторы благодарят за участие в полевых работах выпускников школы № 4 посёлка Умба Терского района Мурманской области В. Д. Савинову, Д. С. Двойнишникову, Ю. Г. Хренову, Д. Ю. Демянсову, выпускницу средней школы посёлка Красное Ненецкого автономного округа А. А. Телкову; за всестороннюю помощь при проведении полевых работ — инспектора Кандалакшского заповедника А. Н. Нестерова. Особая благодарность М. Н. Петровскому, старшему научному сотруднику Геологического института КНЦ РАН, за предоставленные материалы и критические замечания. Обработка полевых материалов М. Н. Кожина выполнена в рамках тем НИР ПАБСИ КНЦ РАН № FMEZ-2025-0062 и ИППЭС КНЦ РАН № FMEZ-2024-0014, аналитическая часть работы — по гранту Российского научного фонда № 24-14-20006, <https://rscf.ru/project/24-14-20006/>.

Для цитирования:

Кожин М. Н., Панарина Н. Г. Серебряный рудник на острове Медвежий в Порьей губе Белого моря: прошлое и настоящее // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 3. С. 66–98. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.3.006.

Original article

THE SILVER MINE ON MEDVEZHY ISLAND IN THE PORYA BAY OF THE WHITE SEA: THE PAST AND THE PRESENT

Mikhail N. Kozhin^{1–3}, Nataliya G. Panarina²

¹Polar-Alpine Botanical Garden-Institute of the KSC RAS, Apatity, Russia

²Kandalaksha State Nature Reserve, Kandalaksha, Russia

³Institute of North Industrial Ecology Problems of the KSC RAS, Apatity, Russia

^{1–3}m.kozhin@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0153-0287>

²ngpanarina@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6654-1710>

Abstract

Medvezhiy Island is one of the largest islands in the central part of the Porya Guba Bay of the White Sea. In the 18th–19th centuries, the industrial development of silver ore deposits was carried out here, as a result of which the island landscapes underwent significant changes. Based on the comparison of literary information and work with archival documents, the course of historical events in the development of the mine has been established, the confusion in the chronology of the development of its facilities and the names of the mines has been eliminated. Field studies made it possible to establish the location of nine mines, clarify the time of their development, and restore their historical names: “Dai Bog Schast'ya”, “Dvuglavyi Orel”, “Strel'nikova”, “Kurt”, “Boyarinya”, “Nadezhda”, “Novaya”, “Stanellovskaya Kopushka”. We named the mine developed in 1773–1775 “Karamysheva”, in honor of the famous Russian mineralogist A. M. Karamyshev, who founded it. For all silver ore mines, in comparison with the literature data, the characteristics of the current state such as morphometric parameters, composition of dumps (if any) and the course of vegetation restoration processes are given. The conducted survey of the mines shows their gradual destruction. At the same time, the restoration of the island vegetation cover, especially forest vegetation, was noted; 14 protected species of vascular plants were recorded. It was shown that in the 18th–19th centuries, Medvezhy Island was of great importance for Russia as one of the first silver deposits in the country. Currently, it is a unique protected natural and anthropogenic complex, a monument to the history of the Russian mining industry and a bright historical and cultural landmark of the Kola North.

Keywords:

mining history, silver mines, flora, vegetation, local history, Medvezhy Island, Kandalaksha Nature Reserve, Murmansk region

Acknowledgments:

The authors are grateful to V. D. Savinova, D. S. Dvoynishnikov, Yu. G. Khrenova and D. Yu. Demyanosov who are the graduates of School No. 4 in Umba Settlement, Murmansk Region. Additionally, our thanks for the participation in the field work go to A. A. Telkova who is a graduate of School in the Krasnoye Settlement, Nenets Autonomous Okrug, and A.N. Nesterov who is the ranger of the Kandalaksha Nature Reserve for comprehensive assistance in carrying out the field work. We would like to express our special gratitude to M. N. Petrovsky, the Senior Researcher at the Geological Institute of the KSC RAS for his censorious remarks and provided materials. Processing of field materials by M.N. Kozhin was carried out within the framework of the research topics of the PABGI of the KSC RAS No. FMEZ-2025-0062 and the IPPES of the KSC RAS No. FMEZ-2024-0014, analytical work — with the support of the grant of the Russian Science Foundation, No. 24-14-20006, <https://rscf.ru/project/24-14-20006/>.

For citation:

Kozhin M. N., Panarina N. G. Silver mine on Medvezhy Island in the Porya Bay of the White Sea: past and present // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, no. 3. P. 66–98. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.3.006.

Введение

Открытие серебряного месторождения на острове Медвежьем в Порьей губе имело для России огромное значение. Основную массу монет в первой половине XVIII в. изготавливали из привозного серебра, которое империя закупала за границей [1, 2]. С 1669 г. при дворе Алексея Михайловича стало известно о находках серебра монахами Кирилло-Белозерского монастыря на Белом море, недалеко от Умбы. Допросы в Москве монахов и мастеров серебряного дела этого монастыря позволили установить, что находки самородного серебра были сделаны на берегу Медвежьего острова. Государевы люди, отправленные из Москвы в Умбу в 1671, 1673 и 1680 гг. на поиски месторождений серебра, смогли обнаружить в ямках на берегах Медвежьих островов лишь несколько небольших самородков, но месторождение найти не удалось ([3] с уточнениями М. Н. Петровского).

Официальное открытие Медвежьеостровского рудника связано с именами архангелогородских рудоискателей: Федора Прядунова, Федора Чирцова и Егора Собинского, которые с разрешения правительства вели в Поморье поиски свинцовых руд. Они отправились в Порью губу и нашли на острове Медвежьем натуральную серебряную руду, о чём 12 марта 1733 г. объявили в Санкт-Петербурге в Кабинете императрицы Анны Иоанновны, что в 1732 г. ими добыто и сплавлено чистого серебра 35 фунтов. Вместе со слитком серебра (сплавленным, вероятно, из самородков) они представили несколько штукфов «натуральной серебряной руды», которая по пробе оказалась «весьма прибыльная и государству полезная» [4]. Императрица 15 марта 1733 г. издала именной Указ «Об отысканной архангелогородскими посадниками: Фёдором Прядуновым, Фёдором Чирцовым и Егором Собинским серебряной руды в Поморье на Медвежьем острове, о выдаче им денег в награждение и привилегии на разработку руды; о командировании с ними для подробных розысков вице-бергмейстера Вольфа Мартина Циммермана и знатока серебряных руд унтер-штейгера Филиппа

Трейгера, об оказании им местными начальниками содействия» [5, 6]. Награждение составило «3000 рублёв», что для того времени было огромной суммой.

Мастерам вице-бергмейстеру Циммерману и унтер-штейгеру Трейгеру было «велено для осмотра и произведения сысканных серебряных руд ехать с теми архангелогородцами, а приехав в поморье на вышеозначенный остров, чинить по нижеследующим пунктам: на оном острове, как кругом всего берега, так и в середине, искать с прилежанием серебряной и свинцовой и других руд, а где покажется, смотреть как велика жила и далеко ли идет, и чинить из разных мест разные пробы с запискою, и оныя смотреть, и сыскать не только сверху, но копаючи и камень разбиваючи в довольной глубине, и оное записывать...». Саксонские горные мастера собрали обнадёживающие сведения. Начавшие работать летом 1733 г., Циммерман и Трейгер дополнительно к найденным «Собинским со товарищи» рудным жилам обнаружили «на морском берегу, при самой воде, серебряной руды две жилы, в которыхы серебро с малою частию свинца скипелось слитками». От Вольфа Циммермана 7 ноября в Кабинет пришло донесение, и к нему были приложены самородки серебра, которые в дальнейшем (1 мая 1734 г.) были переданы для описания в Академию наук [3]. В знаменитом “*Catalogus Minerarum*” И. Г. Гмелина — И. Аммана — М. В. Ломоносова по данным старого каталога описано девять образцов с Медвежьего острова, которые содержали 43 фунта 53 золотника (17 856,31 г) самородного серебра [7]. Часть самородков была утрачена во время пожара 1747 г., о чём свидетельствует информация в каталоге 1789 г., где числится уже три самородка весом чуть более 10 футов (4,66 кг). К 1820 г. сохранился лишь один образец весом около 1 фута (0,45 кг) [8]. В настоящее время несколько исторических образцов самородного серебра с острова Медвежьего сохранились в коллекции Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН в г. Москве [9].

В начале 1734 г. Циммерман и Трейгер покинули Медвежий остров [7], а летом для продолжения разработок были посланы гитен-фервальтер Федор Милуков и бергмейстер Конрад де Травес (Conrad de Traves, в советской литературе — Кондрат Детравес) [10]. За казённый счёт были построены: «три светлицы с сенми и чюланом, две избы черных, две избы работным людям с сенми, два анбара кладовых под припасы, одна кузница, одна плавильня для малых проб, да над рудокопною ямою построен анбар. Подле оной ямы изба работная с сенми и чюланом, один анбар для поклажи железа и горных дел инструментов, одна кузница» [11]. Летом 1734 г. на острове был заложен рудник, и 16 августа добыто первое серебро. Ф. Милуков в дальнейшем наблюдал за всеми горными работами в Поморье, а на острове Медвежий главным командиром с 1 июня 1735 г. и до его закрытия был назначен бергмейстер де Травес. Добычу стратегически важного для казны металла Кабинет министров не мог оставить в частных руках. Несмотря на обещания, данные императрицей в «привилегии», от добычи серебра удачливые компаньоны Е. Собинский, Ф. Прядунов и Ф. Чирцов были отстранены Указом Кабинета от 17 декабря 1735 г. и рудники полностью перешли в казну. «Рудоискателям Федору Прядунову с товарищи дать ныне 1000 рублёв, а им стараться еще такие руды приискивать и, когда приищут, тогда им и награждение учинено будет. А в сысканных местах работу производить казенными работниками, а им притом быть не надлежит» [3].

В 1736 г. пост начальника казённых горных заводов получил обер-берг-гауптман Курт Александр фон Шёмберг (Curt Alexander von Schönberg) [10], по его указаниям горные работы развернулись в более широком масштабе как на самом острове, так и за его пределами. «В первый раз имя барона Шёмберга встречается в наших официальных документах в мае месяце 1736 г. В этом году Кабинет Ея Величества издал указ (14 мая) об отводе квартир для выписанных из Саксонии 30 рудокопов и обер-берг-гауптмана фон Шёмберга» [12]. На следующий год, с 15 июля по 24 августа, Шёмберг отправился из Архангельска на двух судах на остров Медвежий для обследования рудников [13, 14].

Начиная с 1734 г. для работы на шахтах острова Медвежьего прибывали группы рудокопов с Олонецких Петровских заводов. Самый большой отряд составляли вечные работники двух наборов 1735–1737 годов (90 человек). Кроме того, сюда входили ученики, кузнецы и вечные работники прежних наборов. Позднее сюда направлялись вечные работники из беломорских селений, приписанных к рудникам острова Медвежьего. В конце 1737 г. по требованию Шёмберга к рудникам острова Медвежьего и Лапландским заводам были приписаны крестьяне Карельского Поморья

(от Сумского Посада до Гридино, включая Подужемье), бывшие в ведении Соловецкой вотчины. Работа была тяжёлая и низкооплачиваемая. В 1737 г. 55 вечных работников Олонецких Петровских заводов, присланных на Медвежий остров, подали челобитную: на этом «пустом месте», за такую плату «пропитаться не можем», тем более, что «мы нижепоименованные здесь при себе имеем жен и детей», от этого мы впали «в нетерпимое разорение» ... «и не имеем шабашов» (отдыха в выходные дни). В октябре 1741 г. надзиратель Кончезерского завода Бланк доносил, что присланные на завод работники «стали от заводских работ бегать повсеместно» не только с заводов и рудников, но даже с Медвежьего острова [15].

Серебро с острова Медвежий шло на изготовление серебряных монет, так в 1736 г. впервые из отечественного серебра был отчеканен рубль Анны Иоанновны [1, 2]. Руда с Медвежьего переплавлялась на Кончезерском заводе. В 1738 г. «из самого доброго и мягкого железа» на этом же заводе выковали буры и другие инструменты для разработки серебра на острове Медвежьем. Появились новые кадры из Западной Европы: оберштейгер (руководитель горных работ) Бургарт с сыном, плавильщик Рунгер, очищальщики серебра [16]. В 1738 г. из шахт Медвежьего острова было получено 138 кг чистого серебра. Усиленная разработка месторождения продолжалась во всех частях острова, но серебряная руда, сначала попадавшаяся в изобилии, постепенно иссякла [17]. «Известно, что горнозаводство в нашем северном Поморье не установилось вовсе. Причина неуспеха следует из-за отсутствия в почвах прочных рудных месторождений, о чём заявляли ещё первые рудознатцы, посланные в край в 1702 г., греки Симеон Григорьев и Вениамин Левандиан. Отзывы их, как оказалось впоследствии, оправдались для всего северного Поморья с Медвежьими островами включительно: находили только серебро в самородном виде или смешанное с каменной породой, попадались штуфы серебристосвинцовой руды, но только очень мало; плавки собственно серебряной руды не велось, даже не было построено плавильного завода» [12]. Примечательно, что В. И. Рожков распространил мнение греков-рудознатцев на всё Поморье, хотя они работали с большой экспедицией только на реке Цильма с июня 1702 по май 1705 гг. [18] и не смогли побывать на острове Медвежьем.

Медвежьеостровский серебряный рудник эксплуатировался с 1734 по 1740 гг. и окончательно был ликвидирован в 1741 г. Шёмберга отстранили от должности за хищение казённого имущества, арестовали и в июне 1742 г. выслали из России [3]. Плавка вывезенной руды проводилась в 1746–1761 гг. на Кончезерском заводе (сообщение М. Н. Петровского).

В 1769 г. в Берг-коллегии вновь подняли вопрос о рудах Медвежьего острова: восстановлении казённых рудников и постройке сереброплавильного завода [10]. Дело 1769–1770 гг. «О приискании руд на Медвежьем острове и других местах Белого моря» началось с информации о находках Филиппом Полежаевым серебросодержащей рудной жилы на Ройменском наволоке в июле 1768 г., о чём он уведомил Архангелогородского губернатора Андрея Егоровича Головцына [19]. Головцын составил рапорт на имя императрицы с предложением возобновить добычу серебра на Медвежьем острове и Ройменском наволоке; полный текст этого документа приведён М. Н. Петровским [20]. Донесение А. Е. Головцына заинтересовало Екатерину II. Берг-коллегия к 23 февраля 1770 г. подготовила для неё «Рапорт с экстрактом и мнением президента Берг-коллегии графа А. Е. Мусина-Пушкина» [21]. К рапорту прилагалась составленная Берг-коллегией карта с расположением в Кандалакшском заливе Белого моря «мест рудных признаков», но предложенная экспедиция к местам старинных горных разработок в Русской Лапландии не была организована [20].

В 1772 г. академик И. И. Лепехин, осмотрев месторождение серебряных руд на острове, написал в рапорте из села Умбы: «Мы его положение с возможным рачением осматривали и думаю, что еще не все из него сокровища исчерпаны. Я многажды от окольных жителей слыхал, что некто сорочинской поморянин, Собинской прозываемой, после оставленной казенной работы участные свои на острове имел промыслы и нередко нахаживал слитки серебра в щепеню восточной стороны вараки; о чем, думаю, ныне и государственной Берг-Коллегии небезызвестно» [21].

С ноября 1773 по июнь 1774 гг. по инициативе нового президента Берг-коллегии Михаила Федоровича Соймонова разведку на Медвежьем проводили обер-бергмейстер А. М. Карамышев

и берг-гешворен Петр Хлебников. Они нашли все шахты под водой. В шахте «Двуглавый орёл» обнаружили рудную жилу, уходящую в море, и провели дополнительные работы [10, 19].

В 1868–1870 гг. хранитель коллекции метеоритов Минералогического музея Академии наук А. Ф. Гёбель предпринял экспедицию на остров Медвежий и Кольский полуостров с целью изучения мест старинных разработок по добыче серебряных и медных руд. Он планировал поэтапное изучение месторождений Кольского полуострова в течение трёх лет. Основной целью экспедиции было «ознакомление с геологическими и металлургическими условиями Кольского полуострова — изучение горных промыслов и возможности их дальнейших разработок». Гёбель обследовал места старинных выработок, отобрал образцы пород, а также сделал описание рудников и отметил их на местности специальными столбами. По возвращении в Петербург он составил список мест, где в XVIII в. проводили горные разработки, и их описание. Учёный собрал богатый фактический материал, но научного освещения и дальнейших практических исследований старинных месторождений осуществлено не было. Видимо, минеральные запасы этих мест оказались беднее, чем предполагалось [22].

Последние сведения об освоении Медвежьего острова относятся к концу XIX в. В 1875 г. санкт-петербургскому купцу В. А. Фиксену для добывания свинцовой руды на острове министром государственных имуществ было отведено 53 десятины 1600 сажень [4, 17]. Промышленные разработки велись в 1878–1883 гг. [4, 24]. Было добыто 2100 пудов руды [10]. Купец Фиксен и его компаньон Е. В. Станеллов провели разведывательные работы, расчистку старых шахт, откачку из них воды, а также заложили еще одну шахту — Новую [23].

Впоследствии свинцово-серебряные рудники острова Медвежий привлекали внимание многих исследователей. В 1916–1932 гг. в Порьей губе неоднократно проходили геологические экспедиции с участием И. И. Гинзбурга, Д. С. Белянкина, Б. М. Куплетского. Под руководством Гинзбурга были исследованы полезные ископаемые на побережье Кандалакшского залива, включая остров Медвежий [17]. В 1917 г. по его инициативе была организована специализированная поездка Белянкина и Куплетского по изучению рудных месторождений. Значительная часть собранных ими материалов погибла в «бурях революции», в том числе утрачена и первая топографическая съёмка острова Медвежий, выполненная студентом В. В. Никольским под руководством Гинзбурга [4]. В 1922 г. Д. С. Белянкин, В. И. Влодавец и А. Г. Шимпф провели повторные геологические работы, составили детальное геологическое описание, выполнили съёмку рельефа острова Медвежий и пришли к выводу о бесперспективности разработки месторождения, поскольку небольшие и небогатые запасы серебра были уже полностью исчерпаны в XVIII в. [23].

В середине 1930-х гг. Кольской экспедицией Ломоносовского института геохимии, кристаллографии и минералогии АН СССР [24, 25] и Ленинградским геологоразведочным управлением на острове Медвежьем был выполнен большой объём минералогических и петрографических исследований, результатом которых стало отрицательное заключение о рудоносности острова [26].

В 1950–1952 гг. Северо-Западное геологическое управление проводило на Медвежьем острове и прилегающих территориях ревизионно-поисковые работы для оценки перспективности района в отношении свинцово-цинкового оруденения. Был выполнен большой объём горных (проходка канав и попытка изучения старых выработок) и буровых (бурение скважин на глубину 40–160 м) работ, которые показали отсутствие промышленного значения полиметаллических жил [26]. Позднее геологи посещали остров не для выявления рудных запасов, а для исследования кварцит-карбонатных жил со свинцовым, цинковым и медным оруденением, представляющих значительный минералогический интерес [27]. Рудные жилы были отнесены к палеозойским образованиям (около 325 млн лет), в то время как основная часть острова сложена верхнеархейскими или нижнепротерозойскими породами [28]. В исследуемых образцах самородного серебра были обнаружены примеси кальция, магния, цинка и ртути [9]. В последующем здесь исследовали возраст и флюидный режим формирования серебросодержащих руд [29] и другие фундаментальные вопросы геологии.

В литературе накоплен значительный материал о серебряном руднике острова Медвежий, он таит много загадок: неизвестно точное время разработки некоторых копей, имеет место путаница в их

названиях, противоречивы данные истории становления и развития выработок. В настоящее время остров входит в состав Кандалакшского заповедника, в 1967 г. был взят под охрану [30].

Цель нашей работы — локализовать местонахождения, уточнить названия и обобщить информацию о шахтах и сопутствующих им объектах на острове Медвежий в Порьей губе и дать характеристику их современного состояния.

Район исследований

Медвежий является одним из самых больших островов Порьей губы Кандалакшского залива Белого моря и располагается в её центре. Имеет сложную каплевидную форму, с востока и запада изрезан небольшими заливами (рис. 1).

Рис. 1. Карта-схема острова Медвежьего в Порьей губе Белого моря
Fig. 1. The schematic map of Medvezhy Island in the Porya Bay of the White Sea

Длина острова составляет 1 020 м, ширина — 900 м, самой высокой точкой является гора Курт — 47 м над уровнем моря. В западной части острова, между мысами Рогаточный наволок и Бережной наволок, раскинулась широкая бухта, закрытая от высоких волн и сильных ветров восточных направлений и удобная для стоянки судов [31]. В основании острова лежат четыре массивные гряды и мыс Грек, представляющие собой крупные возвышенности. Пространство между ними занято склонами разной крутизны в виде скал и скальных россыпей, нередко перекрытых дерниной. В южной части острова и на мысе Грек берега высокие (до 20 м), скалистые и обрывистые. Северная часть острова и мыс Бережной Наволок — пологие, с незадернованными скальными выходами, разбитыми немногочисленными трещинами. В геологическом строении острова преобладают кристаллические сланцы тёмной окраски, богатые роговой обманкой: роговообманковый гнейс, амфиболит, горнблендит, переслаивающиеся между собой и с красными микроклиновыми гнейсами, содержащими в своём составе гранат и моноклинический пироксен. Жильные образования кварцевые и кальцитовые. В кальците содержатся редкие щётки кварца, октаэдрическая кристаллизация зелёного плавикового шпата и таблички красного апофиллита [4, 23]. В кальцитовых жилах встречаются не только сульфиды, но и самородное серебро.

Современный растительный покров Медвежьего острова характеризуется высоким разнообразием, что обусловлено влиянием как физико-географических, так и антропогенных факторов. Остров покрывают бореальные хвойные леса, тундрообразные вороничники, болотный массив с участками разной трофности, разнообразная скальная растительность; приморские луга развиты слабо и только в его западной части тянутся в виде узкой прерывистой полосы вдоль побережья. На месте бывших построек сформировался суходольный луг, на котором разрастается можжевельник, сменяющийся еловым кустарничковым зеленомошным лесом. В прибрежной части скал основные черты растительного покрова сложились под влиянием природных процессов и мощного антропогенного воздействия, вызванного разработкой и добычей свинцово-серебряных руд [32].

Рис. 2. Остров Медвежий с юго-западной стороны. 27 июля 2014 г. Фото М. Н. Кожина
Fig. 2. Medvezhy Island from the southwestern side. 27 July 2014. Photo by M. N. Kozhin

Материалы и методы

При подготовке работы использовали данные литературы [1–4, 7–12, 17, 19, 23, 26, 31–37], копии документов об истории освоения острова Медвежьего из Сенатского архива [6] и Российского государственного архива древних актов (РГДА) [38–43], собранные заместителем директора по научной работе Кандалакшского заповедника В. Н. Карповичем в 1980–1982 гг. и хранящиеся в архиве заповедника. В те годы объём запросов в РГДА был сильно лимитирован, о чём свидетельствует сохранившаяся переписка с архивом, многие документы в силу технических возможностей были недоступны. Предоставленные сведения использовали для планирования полевых исследований и поиска местонахождений объектов. В дополнение использовали геоморфологическую карту и описания, составленные А. С. Булочниковой [44].

Полевые исследования проводили в 2008–2018 гг., в них принимали участие школьники: В. Д. Савинова, Д. С. Двойнишников, Ю. Г. Хренова, Д. Ю. Демяносков в 2011–2012 гг. (пос. Умба

Терского района Мурманской области) и А. А. Телкова в 2018 г. (пос. Красное Ненецкого автономного округа). В ходе работ установили локализацию объектов рудника, составили карту расположения шахт, разведывательных траншей и бытовых построек. Географическую привязку объектов выполняли с использованием приборов спутникового позиционирования (GPS). Измеряли глубину выработок, длину и ширину устья шахт, высоту и протяжённость отвалов пустой породы, описывали их состав. Охарактеризовали растительный покров прилегающих к шахтам отвалов, траншей и других объектов. Возрастным буром отобрали керны стволов деревьев и определили возраст древостоев [45] в местах разработки копей.

При обсуждении исторических материалов в статье использовали даты, принятые в России по юлианскому календарю до 31 января 1918 г., а после — по григорианскому календарю.

В Приложении приводим неопубликованный до настоящего времени текст из архива Кандалакшского заповедника о рудниках острова Медвежий, подготовленный В. Н. Карповичем в 1982 г. к 50-летию юбилею заповедника и совпавший с 250-летним юбилеем открытия рудника.

Результаты

На основе анализа исторической информации и проведённых полевых исследований на острове Медвежьем локализовано расположение и восстановлены исторические названия девяти заброшенных серебрянорудных шахт и ряда сопутствующих объектов. В результате многократных разведывательных работ разного времени объекты рудника значительно изменились. Приводим характеристику современного состояния шахт, согласно периодам их разработки. В дополнение даём оценку возраста древостоев, примыкающих к основному шахтному району.

Шахта «Дай Бог счастья» находится в 100 м от западного берега острова. Она является первой на острове Медвежьем, создавалась осенью 1734 г. в невероятно тяжёлых условиях. В шахте крепостные рудокопы «...21 человек, сменяясь между собою, днём и ночью работали в три бура...». В октябре шахтный ствол достиг шести сажень (12,8 м). В июне 1735 г. в одном из донесений (докладной записке) де Травес писал: «...в оной яме от жгання лучины дым, и после паления порохом пороховой дух долго вон не выходит, и от оногo духу и от сырости камня при работе людям быть тягостно...». Рудокопы не выдерживали таких условий, болели и умирали; рабочих не хватало. Когда глубина шахты достигла 24 м, де Травес доложил: «...от ядовитых пар никто больше работать не может...». В шахте пробурили боковое отверстие для вентиляции [11], сохранившееся до настоящего времени; подобные отдушины можно увидеть и в районе других шахт. В 1734–1735 гг. добыча серебряной и свинцовой руды шла успешно. В очередном донесении в Берг-Директориум 31 июля 1735 г. де Травес отрапортовал: «...Господь Бог благословил ... в кусках один изрядной кусок явился, какого наперед сего в России не видали, который достоин в ее императорского величества Кунст камору положенным быть...» [11]. Разработка шахты продолжалась, но запасы серебра постепенно истощались. В донесении Берг-Директориуму 5 декабря 1738 г. де Травес писал: «На Медвежьем острове в яме Дай Бог Счастья в верхнем фельтьорте, что поворотом в прошедшем ноябре выработан в длину один аршин и три четверти аршина. Жилы в нем не надежны; их нисколько не видно, только щели в камне имеются. Камень притом весьма крепкой в том же фельтьорте с подошвы, а что в нем, в прошедшие месяцы, висячая жилка с севера имелась, и ныне, как ея далее работать стали, больше оной жилки стало не видно. А прежде того, ниже подошвы фельтьорта работа была и видна была она малая жилка, самая достойная; она тогда была не выработана, и думал я, что она окажется благодатью фельтьорта. Квершлаг из фельтьорта посредине был выработан и жила в нем продолжилась на три четверти сажени и в ней имелся небогатый натуральной меди признак» [41].

Устье шахты в настоящее время имеет вид неразделённого колодца, её ствол находится в полуразрушенном состоянии и оброс мхами (рис. 3). Она заполнена водой, субстрат возле её устья осыпается (рис. 3). Мощные отвалы возле шахты пронизаны сетью траншей. В отвалах гнейса сохранились крупные кристаллы кальцита со следами галенита и сфалерита, присутствуют куски красного гнейса и кварца. В восточной части отвалов найдена ель с приколоченной табличкой с надписью «...бур». Первое слово прочесть не удалось. Что означает эта надпись — остаётся загадкой.

Табличка, вероятно, свидетельствует о буровых работах 1950–1952 гг. [26]. Отвалы шахты зарастают крайне медленно, в основном покрыты сообществами накипных лишайников. Лесная растительность находится на начальных стадиях формирования и представлена сосновым лишайниковым лесом.

Рис. 3. Современный вид шахты «Дай Бог счастья»: общий план, 18 августа 2018 г., фото А. А. Телковой; сруб шахты и отвалы, 4 июля 2011 г.; табличка с надписью «... бур», 30 июня 2012 г., фото Н. Г. Панариной
Fig. 3. The current state of the mine “Dai Bog Schast'ya”: the general appearance, 8 August 2018, photo by A. A. Telkova; the log frame and dumps, 4 July 2011; the plaque with the inscription “... drill”, 30 July 2012, photo by N. G. Panarina

Шахта «Стрельникова» находится в 40 м к северу от шахты «Дай Бог счастья». При обследовании обнаружено устье прямоугольной формы и плохо сохранившийся ствол шахты, разделённый на два отделения (рис. 4). Первое — ходовое, служило для спуска и подъёма рудокопов. Второе являлось рабочим и предназначалось для извлечения горной породы и откачки воды. Судя по наличию двух отделений, эта выработка в прошлом была реконструирована. У старых копей ствол выполнен в виде простого колодца. Шахта заполнена водой, её глубина 17,1 м. Сруб шахты покрыт мхами и накипными лишайниками. В 2018 г. по сравнению с 2011 г. он сильно разрушился. В окрестностях шахты находятся разведывательные ямы и траншеи, одна из западных траншей ведёт к шахте «Двуглавый орёл».

Отвалы шахты медленно покрываются лишайниками и кустарничками, на которых затем формируется разреженный сосновый кустарничковый лишайниковый лес. В восточной части на россыпях камней располагаются заросли иван-чая узколистного (*Chamaenerion angustifolium*).

Рис. 4. Современный вид шахты «Стрельникова», 24 августа 2018 г., фото А. А. Телковой (слева) и 8 сентября 2011 г., фото Н. Г. Панариной (справа)

Fig. 4. The current state of the mine “Strelnikova”, 24 August 2018, photo by A. A. Telkova (left) and 8 September 2011, photo by N. G. Panarina (right)

Шахта «Двуглавый орёл» разработана позже шахты «Дай Бог счастья». Находится недалеко от берега моря внутри амфиболитовой скалы. Высокие отвесные стены окружают вход в шахту, который напоминает грот. В донесении от 31 июля 1735 г. де Травес сообщал: «Яме № 2 я дал название “Орел двоеглавый” ... В оной яме и к ней принадлежащей кузнице повседневно 52 человека работают, кроме тех, которые дрова рубят, уголья возят и при строении обретаются» [37]. К 1738 г. запасы руды в шахте также истощились. Выработка серебряной и свинцовой руды проводилась в восточном, западном направлениях и в глубину. Из донесения де Травеса от 3 ноября 1738 г.: «... в яме “Двуглавого орла” в верхнем фелъторте на восток выработано ныне полтора аршина и в нём самой малой признак натурального серебра вообще был в шпате: так что то место скудно на серебро есть. В долгом фелъторте, что на запад, ныне выработано полтора аршина, а жила в нём ныне четверть аршина, токмо при этом серый камень к ломанию весьма жесткий. Как дошли до красного камня, вижу я, что через оный красный камень работать будет трудно и неприбыльно, то можно только одну жилу выработать, а большое поле не работать. А над верхом камень имеется в лежании опасный, и чтобы не обвалился он того ради, прикажу укрепить ящиком... В нижнем фелъторте на восток, ныне в длину работою прибавлено, жила в нем толщиною в три четверти аршина в шпате, и свинцовая руда гнездами видна. На середине шахты в глубину прибавлено полсажени и жила становится брюхатой [мощной]... В оной шахте в прошедшем месяце для открепления [защиты] от камня имелось строение бревнами и планширом» [39]. В донесении де Травеса от 3 августа 1740 г.: «... в среднем фелъторте, что на восток, в прошедшем месяце приказал я работу окончить для того, что в жилах надежного признака не пошло; и этим как в расходе к той работе припасов, так и в даче тем работным людям денежного жалования излишнего расхода не происходило...» [43].

Шахту окружают мощные отвалы, состоящие из гнейсов и амфиболитов; кальцита здесь мало. Растительность на склонах отвалов представлена лишайниками, на вершинах — редким сосновым лесом. В настоящее время шахта затоплена, глубина составляет 5,5 м. На её внутренних скальных стенах отчётливо видны следы разведывательных работ: буровые отверстия и штанги. У входа сохранились старая лестница и полусгнившие бревна (рис. 5). В архиве Кандалакшского заповедника хранится рисунок заброшенной шахты, сделанный художником А. А. Роголёвым при создании экспозиции музея заповедника в середине 1980-х гг. На нём изображена именно шахта «Двуглавый орёл», что удалось идентифицировать как по общему облику шахты, так и по берёзе, росшей на краю северной скальной стенки шахты, и по бревну (остатки дерева обнаружили у входа в шахту в 2018 г.).

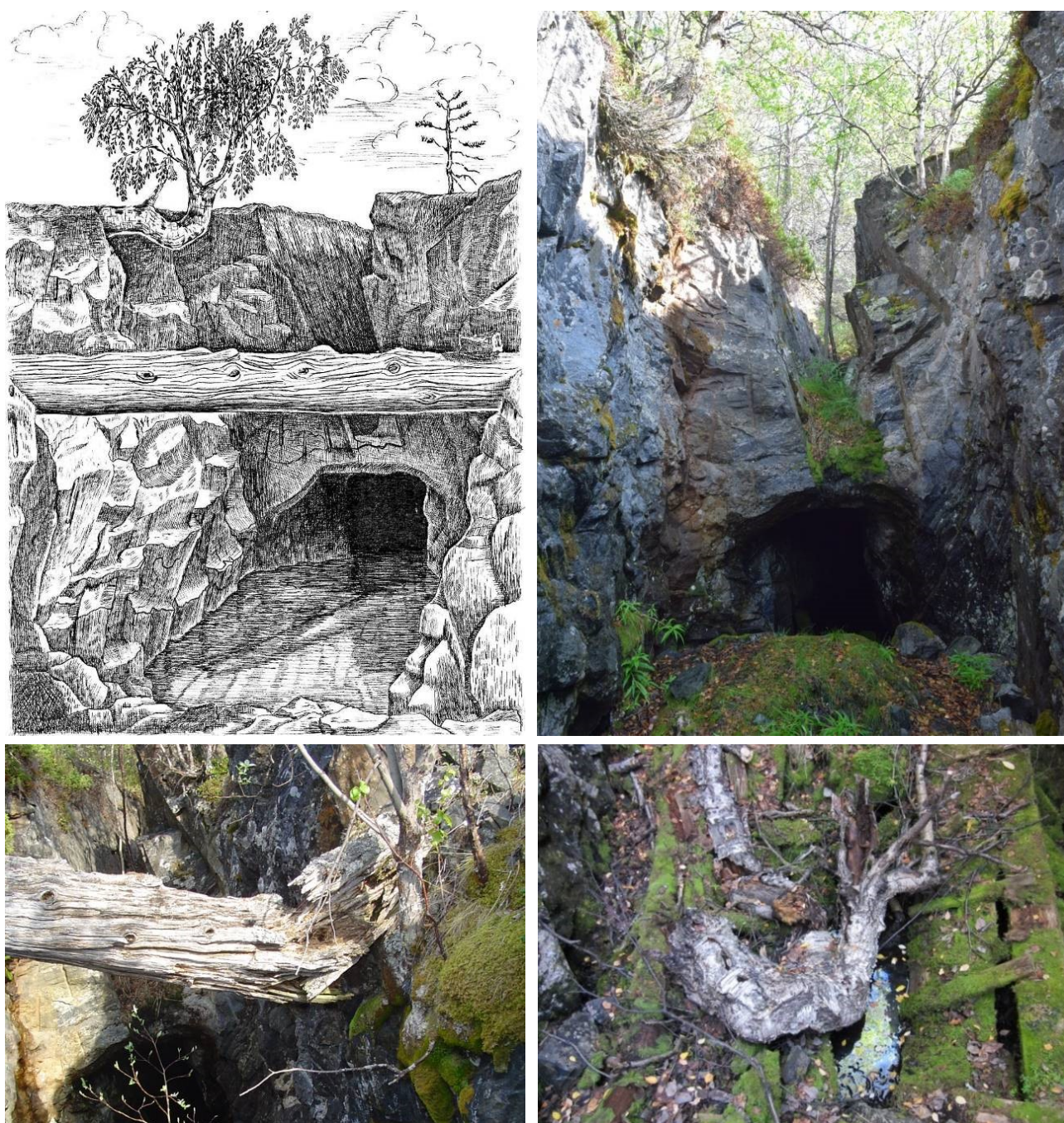

Рис. 5. Современный вид шахты «Двуглавый орёл»: рис. А. А. Рогалёва (архив Кандалакшского заповедника); общий вид, 18 августа 2018 г., фото А. А. Телковой; бревно, 10 июня 2004 г., фото М. Н. Кожина; остатки берёзы, 7 сентября 2011 г., фото Н. Г. Панариной

Fig. 5. The current state of the mine “Dvuglavyi Orel”: the drawing by A. A. Rogalev (the archive of the Kandalaksha Nature Reserve); general view, 18 August 2018, photo by A. A. Telkova; the log, 10 September 2004, photo by M. N. Kozhin; the remains of a birch tree, 7 September 2011, photo by N. G. Panarina

У основания северных отвалов шахты находятся остатки строений геологов 1950-х гг., которые представляют собой основание буровой установки и будку бурильщиков, из которой торчит обсадная труба (рис. 6). В лес на восток уходят траншеи к шахтам «Дай Бог счастья» и «Стрельникова».

Рис. 6. Остатки будки бурильщиков (слева) и основания буровой установки 1950-х гг. (справа)
в районе шахты «Двуглавый орёл», 7 сентября 2011 г. Фото Н. Г. Панариной

Fig. 6. The remains of the drill shack Remains of the drillers' booth (left) and the base of the drilling rig of the 1950s
(right) in the area of the mine “Dvuglavyy Orel”, 7 September 2011. Photo by N. G. Panarina

Шахта «Надежда» находится на удалении 21 м от моря (рис. 7). От уреза воды по кальцитово-жиле к ней тянется разведывательная траншея, которая у шахты образует сеть. Шахту окружают невысокие отвалы пустой породы, состоящие в основном из гнейса; кальцита здесь очень мало. Глубина разработки в 2012 г. была 3,6 м. Устье шахты, вероятно, завалено обломками пустой породы. Шахту окружает молодой кустарничково-зеленомошный сосновый лес. Отвалы покрыты толокнянкой (*Arctostaphylos uva-ursi*) и лишайниками: в небольшом количестве встречаются кладония звездчатая (*Cladonia stellaris*) и цетрария исландская (*Cetraria islandica*).

Рис. 7. Современный вид шахты «Надежда», 7 сентября 2011 г. (слева)
и 24 июня 2012 г. (справа). Фото Н. Г. Панариной

Fig. 7. Current view of the mine “Nadezhda”, 7 September 2011 (left) and 24 June 2012 (right). Photo by N. G. Panarina

Шахта «Боярыня» находится в восточной части острова, в скалах, у самой воды. Шахта окружена стенами красного гнейса, слой которого чередуются с чёрным амфиболитом. Стены устья круто спускаются вниз. Разработка шахты также осложнялась присутствием «красного камня». Из донесения де Травеса от 3 ноября 1738 г.: «На Боярыне шахте работою глубины прибавлено до полсажени, красного камня жила и в жиле свинцовая руда хорошая, только серебра в жиле не было притом красном камне, а то жила могла быть и лучше» [40].

В настоящее время шахта «Боярыня» затоплена водой (рис. 8), её глубина составляет 4 м. Под водой сохранились брёвна сруба. В районе шахты неглубокие траншеи и ямы. Во время сизигийных приливов и штормов морская вода заливается в шахту: уровень воды в ней выше уровня моря, но вода солёная. При продвижении вглубь острова высота над уровнем моря заметно увеличивается и морская вода не может проникать в фелъторты. Скорее всего, она заливает только ствол шахты. При восстановлении рудника в 1878–1883 г. Е. В. Станеллов не смог откачать из этой шахты воду [23].

Рис. 8. Современный вид шахты «Боярыня»: общий план и затопленные брёвна сруба,
15 августа 2008 г. Фото М. Н. Кожина

Fig. 8. The current state of the mine “Boyarynya”: general plan and flooded logs of the mine framework,
15 August 2008. Photo by M. N. Kozhin

Склоны шахты покрыты сообществами накипных лишайников, единично в расщелинах скал встречается мшанка узловатая (*Sagina nodosa*), овсяница овечья (*Festuca ovina*) и камнеломка ручейная (*Saxifraga rivularis*). В окрестностях происходит формирование растительности на отвалах пустой породы, где пионерами зарастания являются лишайники, толокнянка (*Arctostaphylos uva-ursi*), арктоус альпийский (*Arctous alpina*) и брусника (*Vaccinium vitis-idaea*).

«Курт-шахта» расположена в юго-восточной части острова, в 50 м от моря. Она имела пять штреков в направлении с востока на запад. Её глубина была около 28 м [4]. Добыча руды осложнялась «красным камнем», который с трудом поддавался бурению. Из донесения де Травеса от 5 декабря 1738 г.: «...в Курт-шахте: вся оная глубиной состоит девять сажень с половиной. В оной шахте на низу в восточном и западном концах жилы признаку нисколько нет, только в самой середине малое число шпата видно, и в нем руды ни малого признаку не имеется. И ныне в ней красного камня умножилось, и оная жила идет накосом. И хотя пойдет дале между красного камня, то благонадежности уже быть

не от чего. <...> Красный камень, когда появляется, то всегда жилы прекращает...» [42]. Запасы серебряной руды и в этой шахте неуклонно истощались. Новые выработки требовали всё больших усилий и проведения опасных взрывных работ. В этом же донесении де Травес писал: «...в оной шахте работой прошедшего ноября 4 числа из присланных с Петровских заводов вечный работник Марк Титов положил патрон с порохом в выбуренную в камне дырку и забил глиною и по обычаю на ней свечку зажгаль... и как порох запалило и камень вырвало, то у той пальбы малая штучка камня прилетела ему в голову повыше глаза в косицу с которой жив был он только два дня и того ж ноября к 7 числу умер» [42].

В настоящее время устье шахты засыпано кусками пустой породы (рис. 9) и зарастает вороникой (*Empetrum hermaphroditum*) и толокнянкой (*Arctostaphylos uva-ursi*). Шахта имеет большие отвалы, в которых преобладают гнейс и амфиболит. Юго-восточные ветра препятствуют развитию растительности на отвалах, они покрыты только накипными лишайниками. С севера формируется редкостойный сосновый кустарничковый лишайниковый лес. Присутствует стланиковая форма ели. В небольшом количестве встречаются можжевельник сибирский (*Juniperus sibirica*) и ива филиколистная (*Salix phylicifolia*). Постепенно (2011–2018 гг.) происходит увеличение покрытия кустарничков в районе бывшего устья шахты и в верхней части её отвалов.

Рис. 9. Современный вид «Курт-шахты» с отвалами, 24 июня 2012 г. Фото Н. Г. Панариной
Fig. 9. The current state of the “Kurt-mine” with dumps, 24 June 2012. Photo by N. G. Panarina

Шахта «Карамышева», разработанная в юго-западной части острова в скале у самого берега моря, до настоящего времени не имела названия. Первая информация о находке натурального серебра в этой копи содержится в легенде к карте Берг-коллегии, подготовленной вместе с рапортом «с экстрактом и мнением президента Берг-коллегии графа А. Е. Мусина-Пушкина» Екатерине II в 1770 г. В документе указано, что рудоискателями найдено натуральное серебро, но «не работано за зимним же временем» [19]. Название шахты мы даём по фамилии известного российского минералога А. М. Карамышева, заложившего её в 1774 г. В 1878 г. её восстановил Станеллов. Для защиты от напора морской воды он залил стенку шахты со стороны моря цементом [23]. В настоящее время часть входа завалена упавшей глыбой амфиболита. Шахта окружена крутыми уступами. К северу находится хорошо видимая с моря жила пегматита. Сруб шахты состоит из двух колодцев, над которыми нагромождены брёвна (рис. 10). Они пропитаны морской водой, поэтому разлагаются очень медленно и не зарастают. У края сруба отмечены единичные экземпляры иван-чая (*Chamaenerion angustifolium*). В восточной части шахты имеется грот. Следов отвалов нет, вероятно, они были сброшены в море. От шахты на восток уходит разведывательная траншея. Юго-западный склон скалы над шахтой зарос вороникой (*Empetrum hermaphroditum*) и толокнянкой (*Arctostaphylos uva-ursi*). Отвесная скала покрыта накипными лишайниками, в расщелинах растут мшанка узловатая (*Sagina nodosa*) и овсяница овечья (*Festuca ovina*).

Рис. 10. Современный вид шахты «Карамышева», 7 сентября 2011 г., фото Н. Г. Панариной (слева);
14 июля 2010 г., фото М. Н. Кожина (справа)

Fig. 10. The current state of the mine “Karamyshev”, 7 September 2011, photo by N. G. Panarina (left);
14 July 2010, photo by M. N. Kozhin (right)

Шахта «Новая» находится в 50 м от отвалов шахты «Двуглавый орёл», в кустарничково-зеленомошном сосновом лесу (рис. 11). Разработана в мягком грунте В. А. Фиксеном и его компаньоном Е. В. Станелловым в 1878–1883 гг. [24]. Вход в шахту завален брёвнами, видны остатки деревянного ствола шахты, углубление шахты выстлано ветошью. На разрушающихся брёвнах сформировались сообщества мхов и лишайников. В углублении шахты, выстланной растительной ветошью, растут молодые побеги берёзы субарктической (*Betula subarctica*) и ивы козьей (*Salix caprea*). Рядом с шахтой находятся неглубокие ямы, заросшие черникой (*Vaccinium myrtillus*) и вороникой (*Empetrum hermafroditum*).

Рис. 11. Современный вид шахты «Новая», 20 августа 2018 г. Фото Н. Г. Панариной
Fig. 11. The current state of the mine “Novaya”, 20 August 2018. Photo by N. G. Panarina

Шахта «Станелловская копушка» разработана в 1878–1883 гг. Е. В. Станелловым у подножия горы Курт, к востоку от Курт-шахты (Стрельна) [23]. Имеет небольшие отвалы (рис. 12), в составе которых гнейсы, красные гнейсы, амфиболиты. Они зарастают вороникой (*Empetrum hermaphroditum*). На север от шахты уходит разведывательная траншея, которая тянется вдоль восточного берега у подножия горы Курт.

Рис. 12. Современный вид шахты «Станелловская копушка», 9 сентября 2011 г., фото Н.Г. Панариной (слева); 26 августа 2018 г., фото А. А. Телковой (справа)

Fig. 12. The current state of the mine “Stanellovskaya Kopushka”, 9 September 2011, photo by N. G. Panarina (left); 26 August 2018, photo by A. A. Telkova (right)

Заводское селение находилось между Бережным и Рогаточным наволоками на берегу бухты, где располагались избы для начальства, казармы для рабочих и промысловые сооружения (рис. 13).

Рис. 13. Место расположения казарм и изб, 7 июня 2011 г. (слева), остатки северного колодца, 26 июня 2012 г. (справа). Фото Н. Г. Панариной

Fig. 13. The location of barracks and huts, 7 September 2011 (left), the remains of the northern well, 26 June 2012 (right). Photo by N. G. Panarina

В 1732 г. «Собинскому со товарищи» был дан указ о построении завода на острове Медвежьем, который они так и не построили, и только «одна малая добыча руд от них происходила» [38]. Для разработки рудника требовалось много рабочих рук. Люди доставлялись из местных селений: Умбы, Варзуги, Ковды, Порьей Губы. В донесении от 27 июня 1737 г. де Травес писал: «...в оной яме и прилегающей к ней кузнице повседневно 52 человека работают, кроме тех, которые дрова рубят, уголья возят и при строении обретаются. У меня в людях скудость находится, понеже из деревень ни единого человека, больше, нежели ныне имею, достать не могу» [11].

В настоящее время на месте заводского селения располагается луг, зарастающий можжевельником (рис. 13). Строения не сохранились, но под ногами хорошо ощущаются гниющие брёвна их оснований. В этом районе есть два колодца с сохранившимися срубами: один расположен у основания мыса Бережной Наволок в ельнике, другой южнее, на краю болота, ближе к Рогаточному наволоку (см. рис. 13). Северный колодец пополняется грунтовыми водами, южный — водами ручья из болота в центре острова.

Обсуждение

В литературе содержатся разрозненные сведения о времени разработки копей, расположении и их названиях. В начале XIX в. капитан корпуса горных инженеров Н. В. Широшкин по итогам исследований кратко описал состояние месторождения на острове Медвежьем [33]. Он указал 1737 г. годом открытия рудника, что является ошибочным и объясняется отсутствием доступной информации. Во время экспедиции Широшкин обнаружил шесть шахт, но не привёл их названий. «...В делах департамента [Архивный департамент горных и соляных дел] не находится плана сему руднику, поэтому я не могу ничего сказать о его выработках...» [33]. По данным Широшкина, седьмая шахта была разработана в 1764 г., во время разведки русских горных чиновников с партией мастеровых Олонецких Петровских заводов: «...сему времени принадлежит единственная здесь штольня, ныне обвалившаяся...» [33]. В этой публикации год разработки шахты указан неверно, что, вероятно, связано с технической ошибкой, поскольку на Медвежьем острове в эти годы работы не проводились, а речь идёт о шахте, заложенной А. М. Карамышевым в 1774 г. [19]. Разработанная шахта является типичной штольней: в скале рядом с устьем вырублен горизонтальный ход, ведущий в юго-восточную часть острова.

В 1856 г. на острове побывал писатель и путешественник С. В. Максимов, где он со спутниками «с трудом могли различить четыре рудокопные ямы: “Орёл”, “Надежду”, “Курт” и “Боярскую”. Эти ямы, зарываемые временем и непогодами, служат последним, отживающим, наглядным признаком существования на острове Медведе с 1740 по 1790 гг. разработки серебряной руды и строений при этом прииске» [46].

В начале XX в. сотрудники Петроградского политехнического института провели три экспедиции, охватив и остров Медвежий. В 1916 г. И. И. Гинзбург на частные средства провёл исследования полезных ископаемых побережья Кандалакшского залива Белого моря [17]. Вслед за Широшкиным он ошибочно указал открытие рудника в 1737 г. Во время экспедиций была собрана краткая информация о месторождении, а при описании упомянуты названия только двух — шахт «Орёл» и «Надежда». В 1917 г. месторождение детально обследовали Д. С. Белянкин и Б. М. Куплетский. По их данным, «все старинные выработки числом до десятка сосредоточены на небольшом пространстве, в западной части острова» [4]. Важным источником информации, по упоминанию авторов, была записная книжка: «На наше счастье одним из рабочих Беляевского лесопильного завода (близ Умбы) передана нам была записная книжка, наблюдавшего эти недра в 1897 г.», на основании которой они привели сведения о трёх шахтах, называя их «Орёл», «Стрельна» и «Безымянная». Шахта «Безымянная» характеризовалась «7,85 саж. [16,5 м] глубиною и одним западным штреком» [4]. Судя по наличию одного штрека, это могли быть шахта «Новая» либо «Станелловская копушка», разработанные Е. В. Станелловым в 1878–1883 гг. как разведывательные, но значительная глубина свидетельствует о её принадлежности к шахте «Новой», расположенной в основном шахтном районе.

В 1922 г., после завершения работы над материалом первой экспедиции, Д. С. Белянкин со студентами А. Г. Шимпфом и В. И. Влодавцем отправился во вторую экспедицию, по результатам

которой дал более полные описания шахт, указал их названия и расположение на карте [23]. Основным источником информации служили сведения, полученные от местного старожила Ф. Л. Лазарева, который в молодости служил рабочим у Е. В. Станеллова и принимал участие в разведывательных работах того времени. С его слов, у Станеллова были планы старинных работ, с которых и позаимствованы названия шахт: «Орёл», «Стрельна», «Бояре» и «Надежда». По материалам полевого обследования с учётом вышеуказанных данных Д. С. Белянкин с соавторами привели информацию о десяти шахтах, отметив их на карте [23]. Среди выработок шесть имели названия, а четыре были пронумерованы; авторы отмечали, что объект № 1 представлял собой не шахту, а «маленькую разведочную канаву».

В 1998 г. вышла статья И. Б. Циркунова [31], в которой был рассмотрен свинцово-серебряный рудник как памятник русской горной промышленности. Для острова Медвежий автор статьи привёл информацию о шести шахтах в таблице и пять обозначил на карте. Он использовал названия шахт, приведённые в работах И. И. Гинзбурга [17], Д. С. Белянкина [23], И. Ф. Ушакова [11] и в материалах Кандалакшского заповедника, частично искажая названия («Дал Бог счастья») [31]. Цитируемые Циркуновым материалы подготовлены В. Н. Карповичем и представлены на музейных стендах заповедника. На них приведена карта, где сделана попытка соотнести исторические названия шахт де Травеса со схемой Д. С. Белянкина с соавторами [23].

До настоящего времени названия шахт на острове Медвежем, приведённые в работе Д. С. Белянкина с соавторами [23], активно транслировались многими авторами. Однако почти все названия шахт 1730-х гг. разработки были перепутаны (за исключением шахты «Боярыня») или искажены в пересказах (за исключением шахты «Надежда»). На основании анализа имеющихся архивных материалов, данных полевых работ, а также благодаря работам М. Н. Петровского [7, 19], его замечаниям и рекомендациям к статье, основанным на обширных сведениях из архивных документов, мы локализовали исторические названия копей и соотнесли их с опубликованными ранее (табл. 1).

Мнение о путанице в названиях шахт высказывалось уже в начале XX в. Так, Д. С. Белянкин с коллегами [23] предполагали, что указания в записной книжке касательно «Курт-шахты», называемой «Стрельной», относятся к шахте «Карамышева», называя её «Надеждой» и обосновывая это отсутствием «следов недавней расчистки». Однако приведённое описание и архитектура горной выработки указывают на заблуждение и ошибочность этих рассуждений. Первая же путаница в названиях шахт имела место ещё в XVIII в. при составлении Берг-коллегией карты «мест рудных признаков» в Кандалакшском заливе Белого моря для рапорта графа А. Е. Мусина-Пушкина [19]. Вероятно, именно с тех времён шахту «Дай Бог счастья» стали ошибочно называть «Орлом».

На основе анализа литературы и работы с архивными материалами нам удалось проследить хронологию разработок и восстановить исторические названия шахт, используя принцип исторического приоритета (см. табл. 1). Неоценимую роль в этой работе сыграли материалы РГАДА, копии которых были собраны В. Н. Карповичем, а также критические замечания М. Н. Петровского.

Первые обобщённые сведения о размерах и глубине шахт мы находим в работах сотрудников Петроградского политехнического института. И. И. Гинзбург [17] пишет: «На месте можно было убедиться, что действительно все вышеуказанные шахты существуют, что отвалы вокруг некоторых из них весьма значительны; был проведён обмер шахт, главная шахта “Орёл” [Дай Бог счастья] оказалась глубиной более чем в 20 саж.; другие шахты оказались глубиной в 30–20–15 арш. Здесь же удалось узнать, что лет 25 тому назад один из местных лесопромышленников, С. П. Беляев производил разведки на этом острове, причём небольшим насосом с помощью небольшого парового локомотива довольно легко удалось откачать воду; при этом глубина шахты “Орёл” [Дай Бог счастья] оказалась до 40 саж., в ней были найдены два горизонта штреков». Других материалов в работе не приводится в связи с их пропажей во время революционных событий 1918 г. [4, 17]. Повторную съёмку острова и описание шахт взамен утраченных записей проводили в 1922 г. Результаты этих исследований, с учётом материалов по глубинам шахт из записной книжки 1897 г., при которых из шахт была откачана вода, приведены в табл. 2. В конце XX в. измерения шести шахт были выполнены И. Б. Циркуновым, в 2011 г. — нами. В настоящее время некоторые шахты сильно обветшали.

Таблица 1

Годы разработки и названия шахт в работах разных авторов серебряного рудника на острове Медвежий
The years of development and names of the mines of the silver minery on Medvezhy Island in the works of various authors

Принятое название шахты	Период разработки	Координаты	Донесения К. де Травеса	А. Е. Мусин-Пушкин [цит. по: 19]	И. И. Гинсбург [17]	Д. С. Белянкин, Б. М. Кушпетский [4]	Д. С. Белянкин с соавторами [23]	И. Б. Циркунов [31]
Дай Бог счастья	1734–1739	66.72441° N 33.68275° E	Дай Бог счастья	Орёл	Орёл	Орёл	Орёл	Двуглавый орёл
Стрельникова	1734–1739	66.72404° N 33.68252° E	Стрельникова	–	–	–	№ 3	Дай Бог счастья
Двуглавый орёл	1734–1739	66.72417° N 33.68075° E	Двуглавый орёл	Надежда рудник	–	–	№ 2	–
Надежда	1734–1739	66.72395° N 33.68102° E	–	Щастие	–	–	№ 4	–
Боярыня	1734–1739	66.72462° N 33.69891° E	Боярыня	–	–	–	Бояре	Бояре
Курт-шахта	1734–1739	66.72233° N 33.69550° E	Курт-шахта	–	–	Стрельна	Стрельна	Стрельна
Карамышева	1774	66.72315° N 33.68058° E	–	–	Надежда	–	Надежда	Надежда
Новая	1878–1883	66.72447° N 33.68376° E	–	–	–	Безымянная	Новая	Новая
Станелловская копушка	1878–1883	66.72230° N 33.69673° E	–	–	–	–	Станелловская копушка	–

Таблица 2
Морфометрические характеристики шахт серебряного рудника на острова Медвежий в работах разных авторов
The morphometric characteristics of the mines of the silver minery on Medvezhy Island in the works of various authors

Шахта	Шахты												Отвалы	
	1740*	Д. С. Белянкин с соавторами [23]				И.Б. Циркунов [31]				Текущие исследования				Текущие исследования
	<i>h</i> , м	<i>l</i> , м	<i>b</i> , м	<i>h</i> , м	<i>h</i> , м	<i>l</i> , м	<i>b</i> , м	<i>h</i> , м	<i>h</i> , м	<i>l</i> , м	<i>b</i> , м	<i>h</i> , м	<i>H</i> , м	<i>L</i> , м
Дай Бог счастья	~64,36 (30 саж. 1/2 арш.)	~4,2 (2 саж.)	~1,4 (2 арш.)	~63** (30 саж.)	–	7	2,5	–	–	4,6	1,5	50	150	2,5
Стрельникова	22,05 (10 саж. 1 арш.)	~6,3 (3 саж.)	~2,1 (1 саж.)	~21 (10 саж.)	–	6	2	–	–	4,9	1,1	17,1	21	до 1
Двуглавый орёл	32 (15 саж.)	~6,3 (3 саж.)	~2,1 (1 саж.)	~12,6 (6 саж.)	–	–	–	–	–	7,2	2,7	5,4	54	16,5
Надежда	8,80 (4 саж. 1/2 арш.)	~6,3 (3 саж.)	~2,1 (1 саж.)	~6,3 (3 саж.)	–	–	–	–	–	7,7	2,6	3,6	15	до 1
Курт-шахта	26,14 (12 саж. 3/4 арш.)	~4,2 (2 саж.)	~3,2 (1,5 саж.)	~29,4** (14 саж.)	–	5	2	–	–	10,4	7,9	Стенки обрушились	57	7,8
Боярыня	13 (6 саж. 1/4 арш.)	~6,3 (3 саж.)	~2,8 (4 арш.)	~10,5 (5 саж.)	–	6	2,5	–	–	6,6	3	4	Отвалы отсутствуют	
Карамышева	–	~5,3 (2,5 саж.)	~2,1 (1 саж.)	~25 (11–12 саж.)	–	6	2	–	–	5	2	3,2	Отвалы отсутствуют	
Новая	–	2,1 (3 арш.)	1,4 (2 арш.)	~16,5** (7,85 саж.)	–	3	2	–	–	3	1	Стенки обрушились	Отвалы заросли	
Станелловская копушка	–	~2,1 (1 саж.)	~1,1 (1,5 арш.)	–	–	–	–	–	–	3,1	1,5	2,8	14	2

Примечания:
h — глубина, *l* — длина, *b* — ширина, *L* — протяжённость, *H* — высота.
* — глубины шахт на время прекращения работы Медвежьостровского рудника в 1740 г. (по данным М. Н. Петровского).
** — глубины шахт на основании записной книжки 1897 г. [4].

Практически неизменными остались размеры «Боярыни», «Карамышева» и «Станелловской копушки», которые находятся в скалах и не засыпаются отвалами. Срубы в шахтах «Боярыня» и «Карамышева» сохранились относительно хорошо, поскольку затоплены морской водой, которая препятствует гниению деревянных конструкций. Устье шахты «Станелловская копушка» интенсивно зарастает вороникой (см. рис. 12). Разница в размерах этих шахт, вероятно, связана с точностью измерений и искажением при пересчёте из устаревшей системы единиц. Размеры устья других шахт сильно изменились. Срубы шахт «Стрельникова» и «Двуглавый орёл» интенсивно разрушаются; устья «Курт-шахты» и «Новой» завалены пустой породой, которая в разной степени зарастает.

В отношении глубин шахт мы можем говорить об их уменьшении за прошедший век вследствие разрушения конструкций и обвалов (см. табл. 2). Для шахт «Курт-шахта» и «Новая» нам не удалось провести измерения, поскольку в их устьях произошло обрушение стен. Помимо данных, представленных в табл. 2, имеются сведения о трёх шахтах на начало 1960-х гг.: «Дай Бог счастья» — 46 м, «Карамышева» — 26 м и «Боярыня» — 10 м [36], которые в работе ошибочно названы «Двуглавым орлом», «Надеждой» и «Боярской» соответственно. В настоящее время глубины двух последних шахт значительно меньше (см. табл. 2), что, вероятно, связано с обрушением деревянных конструкций, которые перекрывают путь грузу для измерения глубин. Вода в них мутная, зеленоватая, плохо просматривается.

Наиболее несовпадающими являются сведения о глубине шахты «Дай Бог счастья», которую прежде ошибочно называли «Двуглавый орёл». Информация о более чем 84 м (до 40 саж.) глубины и двух штреках в этой шахте, приведённая И. И. Гинзбургом по сообщению местных жителей о работах С. П. Беляева, должна быть скорректирована, с учётом записной книжки 1897 г. [4, 23], на 63 м (30 саж.) и пять штреков. Интересно, что эта шахта и в настоящее время имеет глубину более 50 м несмотря на прошедшие века.

При посещении острова Медвежьего бросаются в глаза обширные отвалы пустой породы, примыкающие к шахтам (рис. 14). Наиболее крупные отвалы характерны для шахт «Дай Бог счастья», «Двуглавый орёл» и «Курт-шахта» (см. табл. 2). Эти обширные насыпи в результате хорошей дренированности и интенсивного ветрового воздействия довольно медленно зарастают пионерной растительностью.

Рис. 14. Отвалы шахты «Двуглавый орёл», 24 августа 2018 г. Фото А. А. Телковой
Fig. 14. The dumps of the mine “Dvuglavyy orol”, 24 August 2018. Photo by A. A. Telkova

Отвалы шахты «Новой» заросли почти полностью, поскольку находятся на склоне, защищённом от ветров. Шахты «Карамышева» и «Боярыня», располагающиеся у берега моря, отвалов не имеют. На отсутствие отвалов у шахты «Карамышева» первыми в 1922 г. обратили внимание Д. С. Белянкин с соавторами, называя её «Надеждой»: «вокруг сруба отвалов не видно» [23]. Позднее, в 1961–1963 гг., группа сотрудников Геологического института Кольского филиала АН СССР при обследовании острова Медвежий также была озадачена исчезновением отвалов. По их оценке, объём отвалов, исходя из размеров выработки этой шахты, должен был превышать 100 м³, но вокруг шахты «не было ни одного обломка породы». Геологи-аквалангисты обследовали прилегающие к шахте участки, куда, вероятно, сбрасывалась порода при проведении выработки. Морское дно близ шахт не отличалось от соседних участков: сглаженные скальные выходы были прикрыты галечником и валунами. Ситуацию прояснила находка двух окатанных валунов со следами от шпуров: один был найден на дне в 120 м у самого берега южнее шахты, другой — в зоне отлива в 200 м [36]. Эти находки свидетельствуют о сбросе отвалов пустой породы в море, где они были разбиты и размывы волнами. А. В. Лоскутов [36] выдвинул предположение о довольно большой скорости перемещения материала, указав первые годы XX в. как время разработки этой шахты, что противоречило ряду источников. Во-первых, эта шахта упоминается Н. В. Широкиным как единственная штольня [33], во-вторых, во время работ Е. В. Станеллова шахта была обозначена на плане очевидца этих событий [23]. Поэтому на разрушение подводных отвалов потребовалось не 60 лет, как указывается в работе А. В. Лоскутова [36], а почти два века.

В XVII–XIX вв. в ходе разработки серебрянорудного месторождения и последующих попыток возобновления его работы растительный покров острова был сильно преобразован. Для строительства срубов шахт, изб, казарм, кузни и прочих построек, а также для топки печей требовалось большое количество древесины. Следы былых рубок отражаются и на современной структуре лесных насаждений. В настоящее время они распространены преимущественно в северной и центральной частях острова и представлены мозаикой насаждений разнопородного состава и разного возраста. Преобладают ели возрастом 120–150 лет, сосны — 120–160 лет и берёзы — до 120 лет (табл. 3). Довольно многочисленны средневозрастные (60–80 лет) древостои ели и сосны. В местах, наиболее удалённых от шахт и поселений рабочих, единично сохранились крупные старовозрастные сосны (250 лет).

Таблица 3

Возраст деревьев на острове Медвежий по материалам полевых работ 2012 г.
The age-related data of the trees on Medvezhy Island based on the materials of field work in 2012

Местоположение	Порода	Возраст деревьев	Средний возраст, лет
Гора Курт	Ель	38, 34, 51, 29, 33, 36, 49, 77, 36, 53, 20, 15, 41, 67, 34, 11, 52, 6, 40, 24	37,5
	Сосна	20, 27, 14, 24, 21, 44, 42, 22, 12, 24, 14, 49, 76, 52, 9, 28, 45, 28, 28, 36, 35, 33, 28	60,7
Болото	Сосна	70, 65, 70, 164	92,3
Район шахты «Дай Бог счастья»	Ель	15, 12, 21	16
	Сосна	19, 15, 20, 38, 18, 34, 23, 19, 12, 21, 35, 28, 27, 43, 30, 35, 17, 29, 51, 37	69,2
У шахты «Стрельникова»	Ель	23, 28, 13, 16, 30, 13, 17, 17, 14, 11	18,2
	Сосна	24, 36, 24, 27, 31, 33, 32, 23, 45, 37, 83, 60, 89, 75	44,2
Район шахты «Стрельникова»	Ель	138, 125, 130, 150, 140, 98	130,2

В районах горных выработок средний возраст деревьев, как правило, не превышает 100 лет. На вершине горы Курт средний возраст сосен составляет 73 года, елей — 48 лет. На склонах горы

в настоящее время формируется молодой кустарничковый зеленомошный еловый лес, который спускается со склонов к западу и занимает центральную часть острова. Средний возраст елей на склонах горы составляет 50 лет. На отвалах шахты «Дай Бог счастья» средний возраст сосен — 56 лет, елей — 20 лет. Отвалы этой шахты окружены еловым лесом со средним возрастом деревьев 142 года. У шахты «Стрельникова» средний возраст сосен 81 год, елей — 28 лет (см. табл. 3). Представленные данные свидетельствуют о почти полном сведении лесов в прошлом для хозяйственных нужд и их медленном восстановлении (рис. 15).

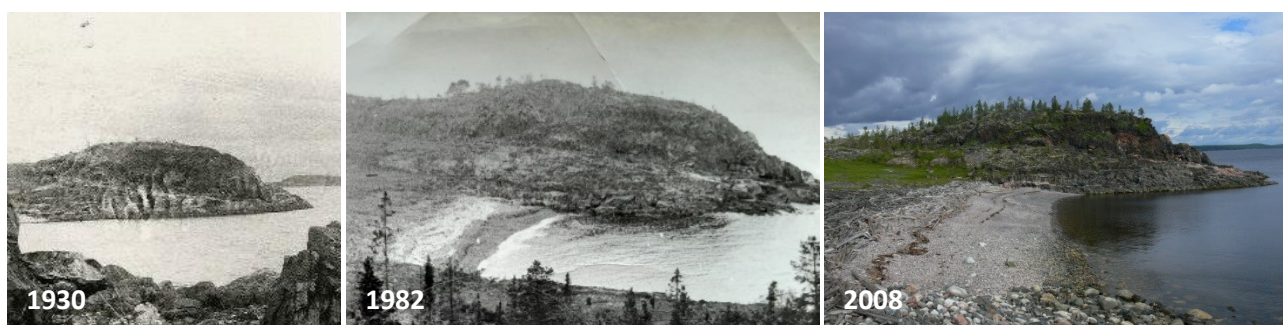

Рис. 15. Восстановление лесной растительности на мысе Грек острова Медвежьего в августе 1930 г., фото Л. А. Зефтиген (Архангельский краеведческий музей), в августе 1982 г., фото Н. Г. Панариной и в июле 2018 г., фото М. Н. Кожина

Fig. 15. Forest vegetation restoration on the Grek cape of Medvezhy Island in August 1930, photo by L. A. Zeftigen (Arkhangelsk Museum), August 1980, photo by N. G. Panarina, and July 2018, photo by M. N. Kozhin

Несмотря на длительное и масштабное преобразование природы острова Медвежьего, состав его современной флоры отличается очень бедным комплексом чужеродных видов, который представляет собой остаток адвентивной флоры XVIII и XIX вв. [32]. Здесь также сохранились популяции и места обитания редких видов сосудистых растений: отмечены 14 видов, включенных в Красную книгу Мурманской области, один из которых входит в Красную книгу Российской Федерации [47]. Наиболее ценными местообитаниями редких охраняемых видов являются скальные выходы, сложенные породами с высоким содержанием кальция, а также скально-луговые группировки по трещинам скал и скальным полкам. Значительная часть таких местообитаний была преобразована или уничтожена при разработке месторождений. На отвалах пустой породы редкие виды растений не отмечены.

При исследовании острова Медвежьего чрезмерный интерес вызывают топонимы, которые приведены на схеме (см. рис. 1) и заимствованы из работы Д. С. Белянкина с соавторами [23]. Самой высокой точкой острова является гора Курт, у подножия которой располагается «Курт-шахта». Оба этих объекта названы в честь Курта Александра фон Шёмберга, который занимал пост начальника казённых горных заводов с 1736 по 1741 гг. Его подчинённый де Травес так назвал шахту, именем которой стали называть и прилегающую гору. В книге «Топонимы Мурмана» [48] указывается, что саамский корень «курр», «курт» означает ущелье, борозду в горах. В нашем случае название Курт омонимично саамскому слову. Небольшая возвышенность на южном берегу носит название Чаячья Пахта, что означает чаячья отвесная скала [49]. На острове есть три мыса, два из них носят поморские названия. Бережной наволок — мыс, находящийся недалеко от материкового берега. Рогаточный наволок — мыс с утонувшим суковатым деревом [49]. О происхождении названия мыса Грек информации нет. Первые рудознатцы, греки Симеон Григорьев и Вениамин Левандиан, посланные в Поморье в 1702 г., на острове не были, и название мыса с ними не может быть связано. Помимо указанных топонимов, на карте обозначено два урочища: Чеври — от поморского слова «чевруй», означающего гальку, то есть крупный булыжный окатанный камень на берегу моря [50], и Зарез — крутой обрыв к морю.

Заключение

Собранные сведения из литературы о шахтах серебряного рудника на острове Медвежьем были отрывочны и противоречивы. Их анализ и материалы собственных полевых исследований позволили восстановить локализацию и период разработки всех девяти шахт острова и уточнить их исторические названия. Обследование шахт с учётом данных об их состоянии на протяжении XX в. показало постепенное разрушение: обветшание срубов, осыпи и обвалы стен, заваливание стволов шахт. В настоящее время природа острова восстанавливается, о чём свидетельствуют частично заросшие отвалы пустой породы и сформировавшийся средневозрастной лес. В XVIII–XIX вв. остров Медвежий имел огромное значение как одно из первых месторождений серебра в России, в XXI в. он стал уникальным заповедным природно-антропогенным комплексом, памятником русской горной промышленности и яркой историко-культурной достопримечательностью Кольского Севера.

Список источников

1. Максимов М. М. Русскому серебру 300 лет (монета из серебра Медвежьего острова) // Геология рудных месторождений. 1969. Т. 11, № 2. С. 103–106.
2. Максимов М. М. Очерк о серебре. 3-е изд. М.: Недра, 1981. 207 с.
3. Петровский М. Н. К истории горнозаводского дела в Русской Лапландии XVIII века // Труды Кольского научного центра РАН. Естественные и гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 104–120.
4. Белянкин Д. С., Куплетский Б. М. Горные породы и полезные ископаемые северного побережья и прилегающих к нему островов Канда拉克ской губы Белого моря // Труды Северной научно-промысловой экспедиции. 1924. № 18. С. 1–76.
5. Баранов П. И. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. 1725–1740 гг. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1875. [2]. XIV. 1002. II с.
6. Санкт-Петербургский Сенатский архив. Т. 2. 1725–1740 гг. Кн. 38. Л. 245.
7. Петровский М. Н. Геологические исследования Русской Лапландии во второй половине XIX в.: экспедиции А. Ф. Гёбеля (1868–1870 гг.) и Д. К. Киля (1872 г.) — их вклад в геологические знания о Российской империи (часть 1) // История науки и техники. 2021. № 8. С. 3–24.
8. Гёбель А. О каталогах минералогического музея Академии наук, составленных Ломоносовым // Записки Императорской академии наук. 1866. Т. 8, № 2. С. 57–66.
9. Федотова М. Г. Самородное серебро острова Медвежьего в Белом море // Природа и хозяйство Севера. Л.: Геогр. о-во СССР, Северный филиал, 1976. С. 47–52.
10. Кузин А. А. История открытий рудных месторождений в России до середины XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 360 с.
11. Ушаков И. Ф. Кольская старина. Мурманск: Кн. изд-во, 1986. 187 с.
12. Рожков В. Берг-кампания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии (материалы к истории горного промысла в России в царствование Анны Ивановны) // Горный журнал. 1885. Т. 2, № 4. С. 119–141; № 5. С. 243–301; № 6. С. 435–466; Т. 3, № 7. С. 101–139.
13. Титов А. А. Летопись Двинская. М.: П. А. Фокин, 1889. 240 с.
14. Ушаков И. Ф. Избранные произведения в 3 т. Т. 2: Кольский Север. Мурманск: Кн. изд-во, 1998. 376 с.
15. Балагуров Я. А. Формирование рабочих кадров Олонекских петровских заводов (первая половина XVIII века). Петрозаводск: Изд-во Карело-Финской ССР, 1955. 119 с.
16. Кончезерский завод в XVIII веке. Русский север. URL: <https://welcome-karelia.ru/articles/martsialnye-vody/konchezerskij-zavod-v-xviii-veke> (дата обращения: 20.03.2025).
17. Гинзбург И. И. Полезные ископаемые побережья Канда拉克ского залива Белого моря // Труды Северной научно-промысловой экспедиции. 1921. Т. 7. С. 64+5.
18. РГАДА¹. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 606. Л. 1–3 об.
19. Петровский М. Н. О кобальтовой минерализации в серебряных рудах Русской Лапландии (Мурманская область) — к 250-летию открытия // Записки Российского минералогического общества. 2024. Т. 153, № 4. С. 117–133.
20. РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 109. Л. 1–6 об.
21. Таранович В. П. Путешествие академика И. И. Лепехина по северу европейской России в 1771 и 1772 гг. // Архив истории науки и техники. 1934. Т. 4. С. 349–364.

¹ Российский государственный архив древних актов.

22. Шабалина О. В., Казакова К. С. Экспедиции А. Ф. Гёбеля и Г. Ф. Гёбеля и их роль в освоении европейской Арктики во второй половине XIX — начале XX века // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2019. Т. 161, № 2–3. С. 150–160.
23. Белянкин Д. С., Влодавец В. И., Шимпф А. С. Горные породы и полезные ископаемые окрестностей сс. Умбы и Порьей Губы // Труды Северной научно-промысловой экспедиции. 1924. Т. 20. С. 1–47.
24. Токарев В. А. Работы Кандалакшского минералого-геохимического отряда Кольской комплексной экспедиции Академии наук СССР 1933 г. // Хибинские апатиты. 1933. Вып. 6. С. 216–218.
25. Токарев В. А. К минералогии Терского берега Кольского полуострова (Порья Губа — Кузрека) // Труды Ленингр. общества естествоиспытателей. Отд. Геол. и минер. 1935. Т. 64, № 1. С. 55–89.
26. Геология СССР. Т. 27, ч. 2. Мурманская область. М.: Гос. науч.-тех. изд. лит. по геол. и охр. недр, 1958. 485 с.
27. Шуркин К. А., Ефимов М. М. Геологические памятники природы Кандалакшского залива // Природа и хозяйство Севера. 1985. Т. 13. С. 74–81.
28. Жиров К. К., Лоскутов А. В., Кравченко М. П., Кравченко Э. В., Рюнгенен Г. Н. Аномальный свинец из гидротермальных жил Кандалакшского побережья Кольского полуострова // Геохимия. 1969. № 7. С. 891–893.
29. Лохов Д. К., Лохов К. И., Прасолов Э. М., Капитонов И. Н., Бушмин С. А., Савва Е. В. Возраст и флюидный режим формирования серебросодержащих руд о. Медвежий (Порьегубский покров Лапландского гранулитового комплекса) // Новые горизонты в изучении процессов магмо- и рудообразования. М.: ИГЕМ РАН. 2010. С. 430–431.
30. Корякин А. С. Кандалакшский государственный природный заповедник: кадастровая информация по участкам // Рациональное использование прибрежной зоны Северных морей: VIII–IX Междунар. Семинары, 17 июля 2004 г., Кандалакша. СПб.: Изд-во РГГМУ, 2006. С. 77–95.
31. Циркунов И. Б. Порья Губа: опыт историко-социологических исследований // Наука и бизнес на Мурмане. 1998. Т. 6. С. 60–86.
32. Кудр Е. В., Кожин М. Н. История освоения и растительный покров острова Медвежий в Порьей губе Белого моря // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2020. № 5. С. 79–87.
33. Широкий Н. В. Геогностический обзор берегов Кандалакшской губы и Белого моря до г. Кеми в Архангельской губернии // Горный журнал. 1835. Т. 1, № 3. С. 397–427.
34. Ефимов М. М. Из истории Медвежьеостровского серебряного рудника // Труды Кандалакшского государственного заповедника. Вып. 8. Мурманск: Кн. Изд-во, 1970. С. 411–412.
35. Карпович В. Н. Кандалакшский заповедник. Мурманск: Кн. изд-во, 1984. 160 с.
36. Лоскутов А. В. Геологи-аквалангисты на острове Медвежье // Природа. 1966. № 6. С. 90–96.
37. Ушаков И. Ф. Варзуга: поступь веков // Наука и бизнес на Мурмане. 1998. № 6. С. 17–45.
38. РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 109. Л. 14.
39. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 1077. Л. 431–431 об.
40. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 1077. Л. 431 об.
41. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 1077. Л. 436.
42. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 1077. Л. 436 об.
43. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 1077. Л. 488–489.
44. Булочникова А. С. Геоморфологическая характеристика островов Порьей губы, 2010 г. Кн. 56. Т. 1: Летопись природы Кандалакшского заповедника за 2010 г.: [ежегод. отчёт] // Архив Кандалакшского заповедника. Кандалакша, 2011. С. 38–87.
45. Методы изучения лесных сообществ. СПб.: НИИХимии СПбГУ, 2002. 240 с.
46. Максимов С. В. Год на Севере. Т. 1: Белое море и его побережья. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1859. 638+IV с.
47. Кожин М. Н. Флора острова Медвежьего в Порьей губе Белого моря // Труды Карельского научного центра РАН. 2016. Т. 3. С. 38–51.
48. Минкин А. А. Топонимы Мурмана. Мурманск: Кн. изд-во, 1976. 208 с.
49. Меркурьев И. С. Живая речь Кольских поморов. Мурманск: Кн. изд-во, 1979. 184 с.
50. Кольская энциклопедия: в 5 т. Т. 5: У–Я. Мурманск: РУСМА, 2016. 576 с.

References

1. Maksimov M. M. Russkomu serebru 300 let (moneta iz serebra Medvezhego ostrova) [Russian Silver is 300 Years Old (Medvezhii Island Silver Coin)]. *Geologiya rudnykh mestorozhdenii* [Geology of ore deposits], 1969, Vol. 11, no. 2. pp. 103–106. (In Russ.).
2. Maksimov M. M. *Ocherk o serebre* [Essay on Silver]. Moscow, Nedra Press, 1981, 207 p.

3. Petrovskiy M. N. K istorii gornozavodskogo dela v Russkoi Laplandii XVIII veka [To the history of mining-factories business in Russian Lapland of the 18th century]. *Trudy Kolskogo nauchnogo tsentra RAN. Estestvennye i gumanitarnye nauki* [Transactions of the Kola Science Centre. Natural Sciences and Humanities], 2022, Vol. 1, no. 1, pp. 104–120. (In Russ.).
4. Belyankin D. S., Kupletskii B. M. Gornye porody i poleznye iskopaemye severnogo poberezh'ya i prilegayushchikh k nemu ostrovov Kandalakskoi guby Belogo morya [Rocks and minerals of the northern coast and adjacent islands of the Kandalakskaya Bay of the White Sea]. *Trudy Severnoi nauchno-promyslovoi ekspeditsii* [Proceedings of the Northern Scientific and Industrial Expedition], 1924, Vol. 18, pp. 1–76. (In Russ.).
5. Baranov P. I. *Opis vysochaishim ukazam i povelaniyam, khranyashchimsya v Sankt-Peterburgskom Senatskom arkhive za XVIII vek* [Inventory of the highest decrees and orders stored in the Saint Petersburg Senate Archive for the 18th century]. Vol. 2, 1725–1740. Saint Petersburg, Printing House of the Governing Senate, 1875, [2], XIV, 1002, II pp. (In Russ.).
6. Saint Petersburg Senate Archives. Vol. 2. 1725–1740. Book 38, pp. 245. (In Russ., unpublished).
7. Petrovskiy M. N. Geologicheskie issledovaniya Russkoi Laplandii vo vtoroi polovine XIX v.: ekspeditsii A. F. Gebelya (1868–1870 gg.) i D. K. Kilya (1872 g.) — ikh vklad v geologicheskie znaniya o Rossiiskoi Imperii: chast' I [Geological research of the Russian Lapland in the second half of the 19th century: expeditions by A. F. Goebel (1868–1870) and D. K. Kiel (1872) — their contribution to geological knowledge about the Russian Empire (part I)]. *Istoriya nauki i tekhniki* [History of science and technology], 2021, no. 8, pp. 3–24. (In Russ.).
8. Goebel A. O katalogakh mineralogicheskogo muzeya Akademii nauk, sostavlennykh Lomonosovym [About the catalogues of the mineralogical museum of the Academy of Sciences, compiled by Lomonosov]. *Zapiski Imperatorskoi akademii nauk* [Notes of the Imperial Academy of Sciences], 1866, Vol. 8, no. 2, pp. 57–66. (In Russ.).
9. Fedotova M. G. Samorodnoe srebro ostrova Medvezh'ego v Belom more [Native silver from Medvezhiy Island in the White Sea]. *Priroda i khozyaistvo Severa* [Nature and economy of the North]. Leningrad, Geographical Society of the USSR, Northern Branch, 1976. pp. 47–52. (In Russ.).
10. Kuzin A. A. *Istoriya otkrytii rudnykh mestorozhdenii v Rossii do serediny XIX veka* [History of discoveries of ore deposits in Russia until the middle of the 19th century]. Moscow, Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1961, 360 p.
11. Ushakov I. F. *Kolskaya starina* [Kola antiquity]. Murmansk, Publishing house, 1986, 187 p.
12. Rozhkov V. Berg-kampaniya na magnetnoi gore Blagodat v Sibiri i na Medvezhikh ostrovakh v Laplandii (materialy k istorii gornogo promysla v Rossii v tsarstvovanie Anny Ivanovny) [Mining campaign on the magnetic mountain Blagodat in Siberia and on the Medvezhiy Islands in Lapland (materials for the history of mining in Russia during the reign of Anna Ivanovna)]. *Gornyi zhurnal* [Mountain magazine], 1885, Vol. 2, No. 4, pp. 119–141; Vol. 2, No. 5, pp. 243–301; Vol. 2, No. 6, pp. 435–466; Vol. 3, No. 7, pp. 101–139. (In Russ.).
13. Titov A. A. *Letopis Dvinskaya* [Dvina Chronicle]. Moscow, P.A. Fokin Press, 1889, 240 p.
14. Ushakov I. F. *Izbrannye proizvedeniya. T. 2: Kolskii Sever* [Selected works. Vol. 2: Kola North]. Murmansk, Publishing house, 1998, 376 p.
15. Balagurov Ya. A. *Formirovanie rabochikh kadrov Olonetskikh petrovskikh zavodov (pervaya polovina XVIII veka)* [Formation of the workforce of the Olonetsky Peter the Great factories (first half of the 18th century)]. Petrozavodsk, Publishing house of the Karelian-Finnish SSR, 1955, 119 pp.
16. *Konchezerskii zavod v XVIII veke. Russkii sever* [Konchezersky plant in the 18th century. Russian North]. (In Russ.). Available at: <https://welcome-karelia.ru/articles/martsialnye-vody/konchezerskij-zavod-v-xviii-veke> (accessed 20.03.2025).
17. Ginzburg I. I. Poleznye iskopaemye poberezh'ya Kandalakshskogo zaliva Belogo morya [Mineral resources of the Kandalaksha Bay coast of the White Sea]. *Trudy Severnoi nauchno-promyslovoi ekspeditsii* [Proceedings of the Northern Scientific and Industrial Expedition], 1921, Vol. 7, pp. 64+5. (In Russ.).
18. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], F. 271, Op. 1, Ch. 1, Ed. khr. 606, L. 1–3 ob. (In Russ., unpublished).
19. Petrovskiy M. N. O kobal'tovoi mineralizatsii v serebryanykh rudakh Russkoi Laplandii (Murmanskaya oblast') — k 250-lektiyu otkrytiya [On the Cobalt Mineralization in Silver Ores of the Russian Lapland (Murmansk Region): to the 250th Anniversary of the Discovery]. *Zapiski Rossiiskogo mineralogicheskogo obshchestva* [Notes of the Russian Mineralogical Society], 2024, Vol. 153, no. 4, pp. 117–133. (In Russ.).
20. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], F. 19, Op. 1, Ch. 1, Ed. khr. 109, L. 1–6 ob. (In Russ., unpublished).

21. Taranovich V. P. Puteshestvie akademika I. I. Lepekhina po severu evropeiskoi Rossii v 1771 i 1772 gg. [Journey of Academician I.I. Lepekhin through the north of European Russia in 1771 and 1772]. *Arkhiv istorii nauki i tekhnologii* [Archive of the History of Science and Technology], 1934, Vol. 4, pp. 349–364. (In Russ.).
22. Shabalina O. V., Kazakova K. S. Ekspeditsii A. F. Goebelya i G. F. Goebelya i ikh rol' v osvoenii evropeiskoi Arktiki vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka [A.F. Goebel and G.F. Goebel's expeditions and their role in the exploration of the European Arctic during the second half of 19th — early 20th centuries]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Humanitarian sciences series], 2019, Vol. 161, no. 2–3, pp. 150–160. (In Russ.).
23. Belyankin D. S., Vlodavets V. I., Shimpf A. S. Gornye porody i poleznye iskopaemye okrestnostei ss. Umby i Porei Guby [Rocks and minerals of the vicinity of the villages of Umba and Porya Guba]. *Trudy Severnoi nauchno-promyslovoi ekspeditsii* [Proceedings of the Northern Scientific and Industrial Expedition], 1924, Vol. 20, pp. 1–47. (In Russ.).
24. Tokarev V. A. Raboty Kandalakshskogo mineralogo-geokhemičeskogo otryada Kol'skoi kompleksnoi ekspeditsii Akademii nauk SSSR 1933 godu [Works of the Kandalaksha mineralogical and geochemical detachment of the Kola complex expedition of the USSR Academy of Sciences, 1933]. *Khibinskie apatity* [Khibiny apatites], 1933, Vol. 6, pp. 216–218. (In Russ.).
25. Tokarev V. A. K mineralogii Terskogo berega Kolskogo poluostrova (Porya guba — Kuzreka) [On the mineralogy of the Tersky coast of the Kola Peninsula (Porya Bay — Kuzreka)]. *Trudy Leningradskogo obshchestva estestvoispytatelei. Otd. geologii i mineralologii* [Proceedings of the Leningrad Society of Naturalists. Department of Geology and Mineralogy], 1935, Vol. 64, no. 1, pp. 55–89. (In Russ.).
26. Geologiya SSSR. T. 27, ch. 2. Murmanskaya oblast' [Geology of the USSR. Vol. 27, part 2. Murmansk region]. Moscow, State Scientific and Technical Publishing House lit. by geol. and ohr. subsurface, 1958, 485 p.
27. Shurkin K. A., Efimov M. M. Geologicheskie pamyatniki prirody Kandalakshskogo zaliva [Geological nature monuments of Kandalaksha Bay]. *Priroda i khozyaistvo Severa* [Nature and economy of the North], 1985, Vol. 13, pp. 74–81. (In Russ.).
28. Zhirov K. K., Loskutov A. V., Kravchenko M. P., Kravchenko E. V., Ryungenen G. N. Anomalnyi svinets iz gidrotermalnykh zhil Kandalakshskogo poberezhya Kolskogo poluostrova [Anomalous lead from hydrothermal veins of the Kandalaksha coast of the Kola Peninsula]. *Geokhimiya* [Geochemistry], 1969, no. 7, pp. 891–893. (In Russ.).
29. Lokhov D. K., Lokhov K. I., Prasolov E. M., Kapitonov I. N., Bushmin S. A., Savva E. V. Vozrast i flyuidnyi rezhim formirovaniya serebrosoderzhashchikh rud o. Medvezhii (Por'egubskii pokrov Laplandskogo granulitovogo kompleksa) [Age and fluid regime of formation of silver-bearing ores of Medvezhy Island (Poryegubsky cover of the Lapland granulite complex)]. *Novye gorizonty v izuchenii protsessov magmo- i rudoobrazovaniya* [New horizons in the study of magma and ore formation processes]. Moscow, IGM RAS, 2010, pp. 430–431.
30. Koryakin A. S. Kandalakshskii gosudarstvennyi prirodnyi zapovednik: kadastravaya informatsiya po uchastkam [Kandalaksha State Nature Reserve: cadastral information by area]. *VIII–IX Mezhdunarodnye seminar "Ratsional'noe ispol'zovanie pribrezhnoi zony Severnykh morei". 17 iyulya 2004 g., Kandalaksha* [8–9 International seminars "Rational use of the coastal zone of the Northern Seas". July 17, 2004, Kandalaksha]. Saint Petersburg, Russian State Hydrometeorological University Press, 2006, p. 77–95. (In Russ.).
31. Tsirkunov I. B. Porya Guba: opyt istoriko-sotsiologicheskikh issledovaniy [Porya Guba: an experience of historical and sociological research]. *Nauka i biznes na Murmane* [Science and Business in Murman], 1998, Vol. 6, pp. 60–86. (In Russ.).
32. Kudr E. V., Kozhin M. N. Istoriya osvoeniya i rastitel'nyi pokrov ostrova Medvezhii v Por'e gube Belogo morya [History of development and vegetation cover of the Medvezhiy Island in the Porya guba Bay of the White Sea]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya* [Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography], 2020, no. 5, pp. 79–87. (In Russ.).
33. Shirokshin N. V. Geognosticheskiy obzor beregov Kandalazhskoi guby i Belogo morya do g. Kemi v Arkhangel'skoi gubernii [Geognostic survey of the shores of the Kandalazhskaya Bay and the White Sea to the town of Kem in the Arkhangel'sk province]. *Gornyi zhurnal* [Mountain magazine], 1835, Vol. 1, no. 3, pp. 397–427. (In Russ.).
34. Efimov M. M. Iz istorii medvezheostrovskogo serebryanogo rudnika [From the history of the Medvezheostrovsky silver mine]. *Trudy Kandalakshskogo gosudarstvennogo zapovednika* [Proceedings of the Kandalaksha State Reserve]. Murmansk, Publishing house, 1970, Vol. 8, pp. 411–412. (In Russ.).
35. Karpovich V. N. *Kandalakshskii zapovednik* [Kandalaksha Nature Reserve]. Murmansk, Publishing house, 1984, 160 p. (In Russ.).

36. Loskutov A. V. Geologi-akvalangisty na ostrove Medvezhem [Geologists-scuba divers on Medvezhiy Island]. *Priroda* [Nature], 1966, no. 6, pp. 90–96. (In Russ.).
37. Ushakov I. F. Varzuga: postup vekov [Varzuga: the march of centuries]. *Nauka i biznes na Murmane* [Science and Business in Murman], 1998, no. 6, pp. 17–45. (In Russ.).
38. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], F. 19, Op. 1, Ch. 1, Ed. khr. 109, L. 14 (In Russ., unpublished).
39. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], F. 271, Op. 1, Ch. 2, Ed. khr. 1077, L. 431–431 ob. (In Russ., unpublished).
40. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], F. 271, Op. 1, Ch. 2, Ed. khr. 1077, L. 431 ob. (In Russ., unpublished).
41. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents]. F. 271, Op. 1, Ch. 2, Ed. khr. 1077, L. 436. (In Russ., unpublished).
42. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents]. F. 271, Op. 1, Ch. 2, Ed. khr. 1077, L. 436 ob. (In Russ., unpublished).
43. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents]. F. 271, Op. 1, Ch. 2, Ed. khr. 1077, L. 488–489. (In Russ., unpublished).
44. Bulochnikova A. S. Geomorfologicheskaya kharakteristika ostrovov Por'ej guby, 2010 g. Kn. 56, T. 1: Letopis' prirody Kandalakshskogo zapovednika za 2010 g. [Geomorphological characteristics of the islands of Porya Guba Bay, 2010. The Chronicle of Nature of the Kandalaksha Reserve for 2010]. *Arkhiv Kandalakshskogo zapovednika* [Archive of the Kandalaksha Nature Reserve]. Kandalaksha, 2011, pp. 38–87. (In Russ., unpublished).
45. *Metody izucheniya lesnykh soobshchestv* [Methods for studying forest communities]. Saint Petersburg, Research Institute of Chemistry of St. Petersburg State University, 2002, 240 p.
46. Maksimov S. V. *God na Severe. T. 1: Beloe more i ego pribrezhya* [A Year in the North. Vol. 1: The White Sea and its Coasts.]. Saint Petersburg, D. E. Kozhanchikov Press, 1859, 638+IV p.
47. Kozhin M. N. Flora ostrova Medvezhego v Porei gube Belogo morya [Flora of Bear Island in the Porya Bay of the White Sea]. *Trudy Karelskogo nauchnogo centra RAN* [Transactions of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2016. no. 3, pp. 38–51. (In Russ.).
48. Minkin A. A. *Toponimy Murmana* [Toponyms of Murmansk]. Murmansk, Publishing house, 1976, 208 p.
49. Merkuriev I. S. *Zhivaya rech' Kol'skikh pomorov* [Living speech of the Kola Pomors]. Murmansk, Publishing house, 1979, 184 p.
50. *Kolskaya entsiklopediya. T.: U–Ya* [Kola Encyclopedia. Vol. 5: U–Ya]. Murmansk, RUSMA Press, 2016, 576 p.

Информация об авторах

М. Н. Кожин — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник;

Н. Г. Панарина — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник

Information about the authors

M. N. Kozhin — PhD (Biology), Senior Researcher;

N. G. Panarina — PhD (Biology), Leading Researcher

Серебряный рудник на острове Медвежьем
(рукопись статьи В. Н. Карповича из архива Кандалакшского заповедника)

В одном из периферийных участков Кандалакшского государственного заповедника, на о. Медвежьем в Порьей губе находятся остатки старинного рудника. 250 лет тому назад, в 1732 году, здесь было официально открыто месторождение самородного серебра, хотя фактически местным поморам оно было известно намного раньше.

В геологической и исторической литературе содержатся противоречивые сведения об истории открытия медвежьеостровского серебра, честь которого приписывалась то саксонским горным мастерам, то архангелогородским рудоискателям, то жителям села Кандалакши. Значение данного месторождения в развитии отечественной горной промышленности оценивается тоже по-разному. Всеми признаётся, что это была наиболее крупная находка самородного серебра в России. Здесь были обнаружены самые большие на территории нашей страны самородки, некоторые из которых весили по несколько килограммов. Сам М. В. Ломоносов внёс четыре из них в каталог Минералогического музея Академии наук. Но в вопросе о том, с какого времени следует исчислять открытие медвежьеостровского серебра и начало его разработок, мнения исследователей расходятся.

Большинство авторов связывает начало промышленной добычи серебра в России с деятельностью Нерчинского сереброплавильного завода, построенного в самом начале XVIII столетия (первое серебро в 1704 году). Рудник на о. Медвежьем был заложен на 30 лет позднее. Однако кустарные раскопки производились здесь уже в середине XVII века, в связи с чем М. М. Максимов (1969) считает, что «первым отечественным серебром» следует признать медвежьеостровское. Об этом сообщала 28 сентября 1969 года и «Полярная правда» (А. Алексеева «Серебряный остров»).

Разобраться в этом запутанном вопросе помогают две интересные монографии, посвящённые истории развития горного дела в России. Первая из них — «Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии», написанная горным инженером В. И. Рожковым, она была опубликована в 1885 году, вторая — «История открытия рудных месторождений в России», принадлежащая перу советского исследователя А. А. Кузина, — в 1961 году. Оба автора обработали огромный архивный материал. Сопоставление приводимых ими сведений и привлечение отдельных интересных сообщений, содержащихся в других литературных источниках, а также анализ некоторых архивных документов позволяет более или менее точно восстановить историческую истину.

Архивные документы показывают, что первые государственные розыски медных, серебряных и золотых руд были организованы в России ещё в конце XV века при Иване III, продолжались в XVI и получили особенное развитие в XVII веке. В царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича поиски драгоценных металлов велись почти по всей территории государства. Однако до начала 60-х годов этого столетия официально были зарегистрированы только две находки серебра. Первая — ещё в 1491 году при Иване III на р. Цильме (приток Печоры). Месторождение было очень небольшое, и сведений о его эксплуатации не было. Вторая — в начале XVII века на Северном Кавказе на р. Тереке, где серебро было обнаружено кабардинцами. В течение трёх лет (1629–1631 годы) здесь велась промышленная добыча серебра, организованная правительством царя Михаила Федоровича. Разработки велись по просьбе и при содействии кабардинских феодалов, которые, видимо, получали часть добываемой продукции. Рудники находились на немирной кавказской границе, работать в них можно было только под охраной «ратных людей». В состав военно-промышленной экспедиции входили русские и иностранные рудоискатели и войска под командованием двух воевод. В архивах не сохранилось сведений о количестве полученного серебра, но добыча его была прекращена, судя по всему, не в связи с её нерентабельностью и истощением запасов руды, а из-за ухудшения военной обстановки.

Кроме этих двух пунктов (р. Цильма на Печоре и р. Терек), ни в европейской, ни в азиатской частях России официальных находок серебра, как уже говорилось, не было зарегистрировано. В то же время было известно, что крестьяне находили руду неоднократно во многих местах, но почти всегда скрывали свои находки, опасаясь репрессий со стороны помещиков. Последние не были заинтересованы в поисках серебра и золота, так как разработка этих металлов была привилегией правительства, а помещики могли потерять часть своих земель и крепостных крестьян, которые потребовались бы правительству для производства горных работ.

Первые документальные сведения о государственной добыче серебра на русских землях относятся к 1662 году, когда в Заонежье была поставлена плавильня и выплавлено из найденной незадолго до того руды некоторое количество серебра. Разработки в Заонежье продолжались, видимо, несколько лет, но точных сведений о них не сохранилось. К этому же времени относится открытие небольшого месторождения в Тамбовской губернии, откуда в казну тоже было отправлено какое-то количество серебра. Обе эти находки были сделаны за несколько лет до того, как в Москву поступили первые сведения о нахождении серебра на о. Медвежьем.

Учитывая эти точные исторические факты, приходится сделать заключение, что медвежьеостровское серебро не было первым в России. Тем не менее, отвергнуть такую возможность полностью нельзя. Известен архивный документ, содержащий сведения о том, что ещё при Иване Грозном, т. е. во второй половине XVI века, богатый белозерец Василий Живляк торговал серебряными слитками в Пожемской волости, находящейся на пути от Белозерска к Белому морю. Появление серебряных самородков в северном крае, скорее всего, могло быть связано с медвежьеостровским месторождением, так как только здесь они обнаруживались в большом количестве прямо на поверхности скал. На эту мысль наводит и тот факт, что занимался торговлей серебром житель Белозерска — именно того города, куда поступало самородное серебро с о. Медвежьего спустя 160 лет, в 60-х годах XVII столетия. Однако это предположение документально недоказуемо.

В 1669 году (т. е. в конце долгого царствования Алексея Михайловича) белозерский дворянин Петр Моложенинов получил царскую грамоту, в которой ему предписывалось сообщить правительству сведения об известных в крае рудах. Опросив мастеров-серебряников Кириллово-Белозерского монастыря, Моложенинов узнал, что за несколько лет до того в монастырь привезли из Умбы, которая была вотчиной этого монастыря, 13 фунтов серебряных слитков. Из них в монастыре делали предметы церковного обихода — кресты, голубей, чаши, подсвечники. Когда сообщение Моложенинова пришло в Москву, там были взяты на допрос все лица, бывавшие в последнее время в Кириллово-Белозерском монастыре, и среди них бывший монастырский строитель Ефрем Потемкин. На допросе он показал, что выехал из монастыря в Москву именно «доклада ради» о находке серебра, но, прибыв в столицу, заболел и поэтому о руде не докладывал. В следующем 1670 году царской грамотой в Москву были вызваны ездившие в Умбу белозерские монахи и запрошены выписки из приходных монастырских книг. В результате стало известно, что в окрестностях Умбы на каком-то морском острове имеется месторождение серебра, которое залегает рудой и слитками в каменной горе и по качеству превосходит «немецкое», т. е. привозное иностранное серебро. Выяснилось также, что далеко не всё найденное серебро поступало в монастырь, так как некоторые умбские крестьяне отвозили его в Холмогоры, где и продавали в серебряном ряду.

Ещё через год, в 1671 году, из Москвы в Умбу на поиски серебра была отправлена экспедиция. Изначально предполагалось поставить во главе экспедиции Петра Моложенинова, который и разработал план экспедиции. Он намечал привлечь к работе всех монастырских серебряников, а также местных жителей Терского берега. Работы предполагалось вести в течение всего лета, т. е. несколько месяцев, так как надо было разрабатывать твёрдые горные породы. И вот незадолго до начала экспедиции случилось так, что по неизвестным причинам Моложенинов был отстранён от участия в экспедиции и руководство было поручено случайному и несведущему человеку — майору А. Мамкаеву. Последний отнёсся к порученному делу недобросовестно. Экспедиция пробыла на о. Медвежьем только два дня, нашла три маленьких слитка и, не произведя никаких серьёзных раскопок, возвратилась в Москву. В 1673 году в Умбу направилась вторая экспедиция под руководством подьячего А. Зиновьева, которая также не достигла положительных результатов. Ещё через три года в 1676 году серебряная руда на о. Медвежьем была найдена стряпчим Л. Нарыковым, который искал на Белом море медные и другие руды для организации собственного дела по выплавке металлов. В поисках серебряной руды он не был заинтересован, т. к. не имел права разрабатывать её, но, найдя такую руду, сообщил об этом правительству. Как ни странно, но это сообщение было оставлено без внимания, хотя оно поступило в то время, когда правительство целенаправленно организовывало поиски медвежьеостровского месторождения. Создается впечатление, что чья-то сильная рука сознательно препятствовала его открытию. Эта версия согласуется с тем фактом, что обе казённые экспедиции по первоначальному замыслу должны были возглавляться Петром Моложениновым, который проявлял большой интерес к поискам серебряных руд и готовил планы этих экспедиций. Однако в обоих случаях в последний момент Моложенинов был отстранён, и руководство поисковыми группами было поручено случайным и незаинтересованным лицам. Возможно, что этой же причиной объясняется и «забывчивость» Ефрема Потемкина, не доложившего в своё время царю о привезённом в монастырь серебре.

Уже после смерти Алексея Михайловича, в 1680 году П. Моложенинов добился, наконец, своей цели и был поставлен во главе третьей, хорошо снаряжённой правительственной экспедиции, в которую входили несколько серебряников, стрельцы и работные люди. Но полученное экспедицией задание исключало возможность детального обследования Медвежьего острова, так как сперва Моложенинов должен был обследовать весь огромный край между Белым озером и Белым морем и только потом осмотреть о. Медвежий. По пути следования к нему непрерывно поступали противоречивые сведения о нахождении в различных местах края серебряных слитков, которые при проверке не подтверждались, запутывали дело и вели экспедицию по ложным следам. В результате и на этот раз медвежьеостровское месторождение не было найдено, после чего правительство надолго потеряло интерес к поискам серебра на Белом море.

Официальное открытие залежей серебра на о. Медвежем связано с именами архангелогородских рудоискателей Фёдора Прядунова, Фёдора Чирцова и Егора Собинского. С разрешения правительства они вели в Поморье поиски свинцовых руд. Но в 1732 году Е. Собинский узнал от своего брата Ивана, что батрак последнего, житель села Кандалакши Афанасий Полежаев, побывав в Порьей губе, ездил там с местными поморами на о. Медвежий, где находил серебряные самородки. Почти одновременно о таких же находках сообщил рудоискателям архангелогородский купец Крылов. По этим сигналам Прядунов, Чирцов и Собинский выехали в Порью губу и нашли на Медвежем острове самородное серебро и серебряную руду. Следующей зимой они отправились в Санкт-Петербург и 12 марта 1733 года были допущены на приём к Анне Иоанновне. Доложив императрице о своём открытии, рудоискатели представили ей слиток серебра весом в 35 фунтов и несколько кусков серебряной руды хорошего качества.

За сделанное открытие они были щедро награждены: им были выданы три тысячи рублей, что было в те времена огромной суммой. Кроме того, были пожалованы различные льготы: сами рудоискатели и их дети освобождались от всяких служб, от солдатства и от других сборов (кроме подушного оклада), а дома их от постоя. Именным указом Анны Иоанновны им была пожалована «привилегия» на дальнейшие поиски руд, а местному начальству предписывалось оказывать в этих поисках содействие, давать рудоискателям солдат для охраны, рабочих с Олонецких горных заводов, снабжать порохом и т. д. Некоторые авторы сообщают о том, что им было дано также право основать рудоплавильный завод, но это не верно. В то время правительство ещё твёрдо придерживалось установки о монополии государства на добычу серебра. Но им было обещано участие в прибылях государственного завода, если он будет прибыточный. Уже через три дня после приёма рудоискателей императрица повелела иноземным (саксонским) горным мастерам Циммерману и Трейгеру выехать вместе с ними на север «для осмотра и исследования на месте отысканных в Поморье серебряных руд». Видимо, они собрали весьма обнадеживающие сведения, т. к. в начале следующего 1734 года на о. Медвежий был послан горный мастер, штендервальтер, надворный советник Федор Милюков Старший для «производства действительною работою серебряных и свинцовых руд». Летом 1734 года на острове был заложен рудник и 16 августа добыто первое серебро. В дальнейшем Ф. Милюков стал осуществлять общее наблюдение за всеми горными работами в Поморье, а главным командиром Медвежьеостровского рудника с 1 июня 1735 года и до его закрытия был назначен бергмейстер Конрад де Травес.

В большинстве литературных источников указывается, что вскоре рудник перешёл во владение барона Шёмберга, которым и была организована основная добыча серебра. Однако эти указания ошибочны. Фактически, барон К. А. фон Шёмберг стал владельцем Медвежьеостровского рудника только в 1739 году, когда основные запасы серебра уже были выработаны.

Этот саксонский горный инженер был приглашён в Россию всесильным временщиком Э. И. Бироном после того, как в 1735 году на Урале были найдены богатейшие залежи железной руды на горе Благодать, а первые разработки на о. Медвежем дали основание предполагать наличие здесь очень больших запасов серебра (за 1734 и 1735 годы было добыто более 30 пудов самородков и свыше 160 пудов серебряной руды). Крупный государственный деятель того времени, историк, географ и горный инженер В. Н. Татищев, руководивший в 1734–1737 годах уральскими и сибирскими казёнными заводами, в одном из своих трудов («Лексикон Российской», 1793) пишет, что, приглашая Шёмберга в Россию, Бирон вознамерился с его помощью преобразовать русскую горную промышленность так, чтобы «онный великий государственный доход похитить».

Шёмберг прибыл в Россию в мае 1736 года и императорским повелением был назначен генерал-берг-директором, т. е. руководителем всей горной промышленности государства. Ему было установлено огромное жалованье: сперва три, а затем шесть тысяч рублей в год.

В 1737 году Шёмберг побывал на Медвежем острове и в некоторых других местах Поморья, где были найдены те или иные руды. К этому времени добыча серебра на острове начала сокращаться, но, осмотрев рудник, Шёмберг пришел к выводу, что это происходит не из-за истощения месторождения, а в связи с недостатком рабочих рук. По его просьбе императрица указала приписать к руднику значительное количество крестьянских дворов из Кеми, Шуерецкого, Сороки и Сумпосада. Усиленная разработка месторождения продолжалась. Всего в 1734–1740 годах было пройдено несколько вертикальных шахтных стволов, пять из которых получили собственные наименования: «Двуглавый орёл», «Бояре», «Новое счастье», «Курт-шахта», «Дай бог счастья». Тем не менее, добыча серебра неуклонно падала.

Значительно успешнее велось дело на Урале. В районе горы Благодать железная руда добывалась сотнями тысяч пудов, быстро строились плавильные заводы, которые предполагалось ввести в действие в начале 1739 года. Именно к этому времени Бирон приурочил осуществление своего плана, который состоял в передаче всех лучших горных месторождений и построенных за казённый счёт рудоплавильных заводов в собственность верных ему

людей. Поначалу этот план натолкнулся на довольно решительное сопротивление Сената, в связи с чем вопрос решался долго — около 9 месяцев. Но бороться с Бироном было трудно, и 3 марта 1739 года Анна Иоанновна подписала Берг-регламент, которым разрешалась передача казённых заводов частным владельцам. В этот же день была издана императорская «Привилегия» о передаче Шёмбергу всех рудных месторождений и горных заводов в Лапландии и на горе Благодать для учреждения собственной Берг-компании. Членами Компании, помимо Шёмберга, стали братья Э. И. Бирона — Карл и Густав, а также польский авантюрист купец Е. Мезр, который пятью годами раньше подвергался за свои тёмные махинации тюремному заключению и был освобождён по личному указанию императрицы (видимо, по наущению Бирона).

Получив рудники и заводы в свою собственность и оставаясь в то же время генерал-берг-директором, Шёмберг имел возможность вести работы на этих предприятиях силами подчинённых ему государственных чиновников, специалистов и рабочих, чём широко пользовался. Кроме горного дела, Берг-компания захватила в свои руки продажу выплавляемого в России железа за границу и сальный промысел во всем Северном Поморье. В это очень ёмкое понятие входили добыча и продажа рыбы, сала, вóрвани, моржовой кости, а также «Грунландский китоловный промысел».

За три года своего существования Берг-компания, помимо извлечения из принадлежащих ей предприятий и промыслов законных прибылей, произвела значительные растраты казённых денег. С воцарением Елизаветы Петровны Сенатом было проведено расследование этих растрат и в результате оказалось: 1) что прямой долг Шёмберга казне составляет 276 742 руб. 88,5 коп., не считая невыплаченных процентов, пошлин и других взносов с промыслов и доходов Берг-компании (по определению В. П. Татищева общая сумма причинённых казне убытков составила около 400 тысяч рублей); 2) что денег и имущества (без учёта стоимости горных заводов) у Шёмберга имеется всего на сумму 18 207 руб. 91,5 коп., в связи с чем возместить свой долг казне он не может; 3) что принадлежащие компании горные заводы почти разорены; 4) что установить размеры прибылей, полученных Берг-компанией, невозможно из-за отсутствия приходо-расходных книг.

По этому расследованию повелением Елизаветы Петровны Берг-компания была ликвидирована, рудники и заводы возвращены в казну, а Шёмберг и Мезр арестованы (братья Бироны были репрессированы раньше). Расследованием не установлено, куда ушли доходы Компании и растроченные казенные деньги. Безусловно, они могли храниться за границей, но сведений о том, что Шёмберг и Мезр впоследствии разбогатели, нет. В то же время известно, что Э. И. Бирон за 11 лет пребывания у вершины власти в России приобрел почти 30 млн рублей, не считая стоимости многочисленных поместий. Поэтому высказанное В. Н. Татищевым (1793) и поддержанное В. И. Рожковым (1885) предположение о том, что основные доходы Берг-компании и похищенные ею казённые деньги попали в руки семьи Биронов, очень правдоподобно, хотя документально и не подтверждено.

Но вернёмся к истории Медвежьеостровского рудника. Приобретая его в начале 1739 года, Шёмберг полагал, что запасы серебра там ещё достаточно велики и необходимо только интенсифицировать разработки, чтобы добыть его. Видимо, в этом году какое-то количество серебра действительно было добыто, так как в доношении с Медвежьего острова от 15 января говорилось о новых находках самородков и руды. Однако в казну ни серебро, ни другие доходы не поступали, поэтому о количестве полученного серебра ничего не известно. Известно другое, а именно, что, несмотря на присылку на остров ещё нескольких иноземных специалистов и новой крупной партии рабочих, набранных в окрестностях Архангельска, дела здесь шли всё хуже. Во второй половине 1740 года Травес сообщал в Санкт-Петербург, что найти верные признаки существования прочных рудных месторождений не удаётся. В связи с этим он был вызван в столицу для дачи личных пояснений, после чего вскоре было принято решение о прекращении работ. Последние партии добытой руды перевезли летом 1741 года на Олонецкие заводы — Петровские и Кончезерские. Официально о закрытии рудника было объявлено в феврале 1742 года. Выплавка серебра из медвежьеостровской руды производилась на Олонецких заводах до 1761 года включительно.

В начале царствования Екатерины II возникло предположение, что Шёмберг, предвидя скорое разоблачение, закрыл рудник преждевременно, обманно заявив о выработке месторождения. С этой версией согласны и некоторые современные исследователи, в частности А. А. Кузин (1961). Однако более распространено мнение о том, что основные запасы серебра к 1740 году действительно были исчерпаны. Анализ исторических документов и результаты позднейших геологических разведок показывают, что наиболее богатые залежи серебра находились близко к поверхности, а по мере углубления шахт его содержание быстро уменьшалось. Подавляющее большинство самородков было найдено в первые годы работы рудника на небольших глубинах. В руде, добытой в 1734–1735 годах, содержалось более 3 % серебра, тогда как в последних партиях руды, полученных из нижних горизонтов, оно попадалось в значительных количествах лишь местами, а в среднем его содержание не превышало 0,2 %. Самородное серебро к этому времени практически иссякло. К тому же очень затруднилось производство работ, так как шахты непрерывно заливало грунтовыми водами. В таких условиях

рудник стал убыточным, что и послужило причиной его закрытия. Поэтому обвинение в обманном прекращении работ с Шёмберга следует снять. Это подтверждается и тем, что сообщение Травеса о бесплодности проводимых разработок было написано ещё при жизни Анны Иоанновны, а фактическое прекращение работ на острове относится ко времени правления Анны Леопольдовны, когда, несмотря на падение Бирона, благополучию самого Шёмберга ещё ничто не угрожало.

Наконец, и попытка возобновления рудника, предпринятая в 1764 году, не дала положительных результатов. Подробных сведений о работах этого периода у нас нет, но, во всяком случае, несмотря на закладку дополнительной, седьмой, шахты, рудник вскоре был оставлен. Ещё через 9 лет, в 1773 году, было добыто некоторое количество руды для анализа, который показал ничтожное содержание серебра всего 0,006 % (1 грамм из пуда руды).

Вновь интерес к Медвежьему острову возродился лишь через 100 лет, когда в 1875 году остров был передан компании петербургского купца В. А. Фиксена для добычи свинца. Компаньон Фиксена Е. В. Станеллов провёл серьёзные разведывательные работы, расчистку старых шахт и откачку из них воды, а также заложил ещё одну шахту «Новую». Промышленные разработки велись в 1880–1883 годах. Было добыто 2100 пудов (33,6 т) свинцовой руды, возможно с какой-то примесью серебра, о чём, однако, сведений не имеется. После этого рудник окончательно потерял промышленное значение. Это подтверждено и работами советских геологов.

В 1897 году некоторые шахты обследовал умбский лесопромышленник Беляев, откачавший из них воду паровым насосом. Он установил, что главная шахта «Двуглавый орёл» имела в глубину более 30 саженей (65 м) и 6 поперечных горизонтальных штреков. Остальные шахты были менее внушительны. В настоящее время все они вновь полностью затоплены грунтовыми водами.

В состав Кандалакшского заповедника остров Медвежий вошёл в 1967 году. Остатки рудника охраняются теперь как исторический памятник русской горной промышленности. 250-летний юбилей официального открытия медвежьеостровского месторождения совпал с 50-летним юбилеем заповедника.

Заместитель директора по научной работе
Кандалакшского государственного заповедника
В. Н. Карпович
[1982 г.]

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2025; принята к публикации 29.08.2025.
The article was submitted 25.03.2025; approved after reviewing 20.07.2025; accepted for publication 29.08.2025.